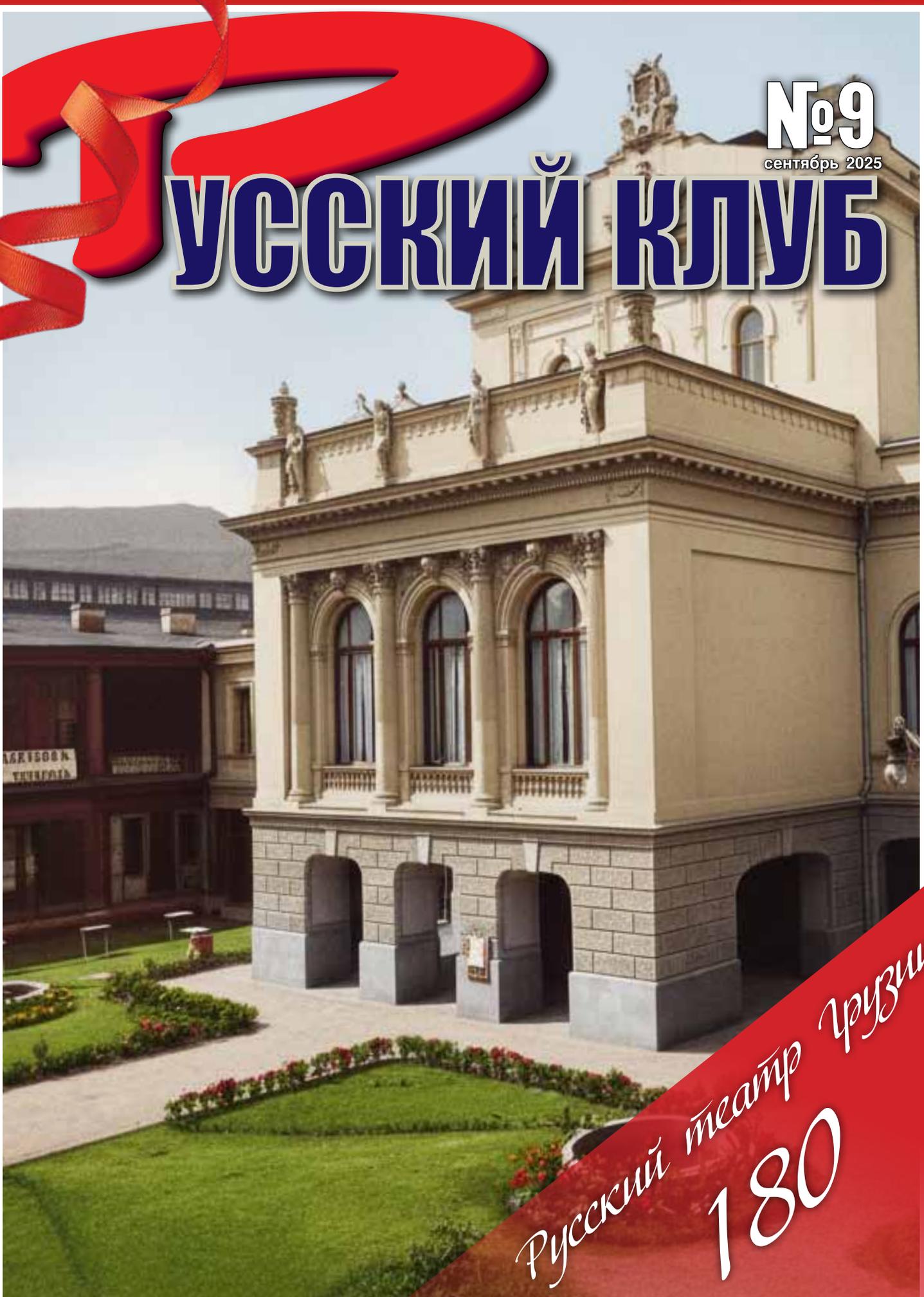

№9

сентябрь 2025

РУССКИЙ КЛУБ

Русский театр Грузии
180

Л. ТОЛСТОЙ. «ХОЛСТОМЕР. ИСТОРИЯ ЛОШАДИ»

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА
Лали ХАТИАШВИЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№9
(239)
сентябрь 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4** ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6** ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 12** МЕСТО, ГДЕ ЛЮДИ МОЛОДЕЮТ
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 16** ИМЕНЕМ НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ
ВАДИМ АНАСТАСИАДИ
- 22** ОНА БЫЛА ПЕРВОЙ
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 25** ИЛЬЯ ВЕКУА
ОМАР ШУДРА
- 26** «ВСЕ МОИ РОЛИ – ЭТО Я!»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 32** СЛЕД ЖИЗНИ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 37** ПО ТУ СТОРОНУ РОДИНЫ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 40** ПУСТЬ ПОМНЯТ НАШИ ДЕТИ
АРТЕМ КОМАРОВ
- 44** ЧТО ТАКОЕ ВОЗРАСТ?
- 45** МАМА, МНЕ УЖЕ 50
РУБЕН ПАШИНЯН
- 47** ПОД НЕБОМ ТБИЛИСИ
АНАИДА ГАЛУСТЯН
- 50** ИСТИНА ВНЕ СПОРА
МИХАИЛ ЛЯШЕНКО
- 51** ПРОСТЫЕ ШТРИХИ СУДЬБЫ
МАРИНА ЛАМАР
- 53** ЕЩЕ РАЗ О ЛЮБВИ
НИНА МАЗУР

На обложке – ЗДАНИЕ РУССКОГО ТЕАТРА В ТИФЛИСЕ

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

КОРОЛЕВА ДЕТЕКТИВА И ЕЕ ТАЙНА

Агата Кристи родилась в 1890 году в английском Торки. Выросла в приличной семье среднего достатка, много читала и в юности пробовала писать, но всерьез занялась этим позже. В Первую мировую войну работала в аптеке, и именно там изучила яды, которые позже стали фирменной «изюминкой» ее детективов. Писать она начала почти случайно, почти на пари: сестра предложила ей попробовать силы в романе. Дебют «Загадочное происшествие в Стайлзе» (1920) сразу познакомил читателей с сыщиком Эркюлем Пуаро. С этого все и началось: «убийство в закрытой комнате», «все под подозрением» и ошеломляющая развязка в финале. Формула сработала идеально.

Самым странным эпизодом ее жизни стало исчезновение в декабре 1926 года. После ссоры с мужем Арчибалдом Кристи, который завел роман на стороне, она неожиданно пропала. Машину нашли брошенной, манто и вещи внутри, писательницы нет. Подняли полицию, добровольцев, прочесывали местность. Подозревали даже убийство Агаты мужем. Даже сам

Конан Дойл подключил к поискам... медиума, автор Шерлока Холмса был «завернут» на теме спиритизма. Одиннадцать дней страна гадала, что произошло. В итоге Кристи нашли в фешенебельном йоркширском отеле, где она жила под чужим именем. Она утверждала, что ничего не помнит. До сих пор спорят: это была амнезия, нервный срыв или своеобразная месть изменнику-мужу. В любом случае, та история сделала ее еще более загадочной фигурой... и еще более популярными ее романы.

Вторая мировая война стала для нее новым этапом: Кристи продолжала писать, а ее пьеса «Мышеловка» с 1952 года идет на сцене до сих пор, удерживая рекорд по продолжительности постановки. В 1971 году она была удостоена звания дамы-командора Британской империи.

Агата Кристи прожила долгую жизнь и оставила более 80 романов и сборников. Ее книги разошлись сотнями миллионов экземпляров по всему миру. Но кроме литературной славы она оставила и загадку, достойную ее собственного сюжета: что же на самом деле произошло в те странные 11 дней зимы 1926 года, никто так и не узнал.

«ГОРА СВЕТА»

В конце лета 1850 года один из самых знаменитых камней мира – Кохинур – оказался в сокровищнице британских монархов. Его история полна легенд, проклятий и интриг. Добытый, предположительно, в XI веке на юге Индии, впервые упомянут в XIV-XV вв., когда украсил тюрбаны и одежды династии Какадия. Позже он перешел к Великим Моголам. Шах-Джахан, создатель Тадж-Махала, украсил им Павлиний трон, но сам закончил жизнь в заточении в цитадели Агры.

Свергнувший его старший сын не посмел убить отца, превратив в тюрьму его тронный зал. Несчастный бывший монарх в течение семи лет находился в заключении среди своих сокровищ, пока не умер на руках у дочери. В 1739 году иранский правитель Надир-шах захватил Дели и все богатства Моголов вместе с Павлинием тронном. Но главного сокровища трона – «Кохинура» – на месте не оказалось. Во все концы были разосланы тысячи людей. Тому, кто укажет местонахождение алмаза, было обещано большое вознаграждение. Одна из бывших обительниц гарема шепнула, что «Кохинур» спрятан в тюрбане Мухаммеда. Во время

пира этот шах, этнический азербайджанец, обратился к Мухаммеду с предложением обменяться тюрбанами в знак дружбы. Отказаться от такого старинного восточного обычая было невозможно, и Мухаммеду пришлось подчиниться. Надир-шах тут же поспешил к себе, размотал тюрбан и, увидев спрятанный алмаз, закричал: «Гора света!» (по-персидски «кох-и-нур»). Так камень получил свое имя. Но вскоре и он был убит, а камень еще не раз переходил из рук в руки: от афганцев к сикхам в Лахоре. За него по-прежнему лилась кровь, пока в 1850 году не состоялась британская аннексия Пенджаба. Захватчики потребовали алмаз для королевы Виктории – кто бы посмел отказать?

В 1851 году Кохинур показали публике на Всемирной выставке в Лондоне. И... разочарование: тусклый и невзрачный. Тогда муж Виктории, принц Альберт, решил на переогранку. Амстердамские мастера за 8000 фунтов уменьшили его с более чем 180 до 105 карат, то есть почти на половину, но это придало блеск бриллианту и современный вид. С тех пор алмаз украшает британские короны. Ныне установлен в короне королевы-матери и хранится в Таузере.

С Кохинуром связано поверье: он приносит счастье только женщинам, мужчинам же – несчастья и смерть. Возможно, поэтому британские короли никогда его не носили. Сегодня оригинал спрятан в сейфах, на публике показывают лишь копии. Камень весит всего 21 грамм, размером с крупную пуговицу, но страхует на миллиард долларов. И вряд ли современный зритель, глядя на него, воскликнет с восторгом: «Гора света!»

НЕ МЕЧ, НО СЛОВО... И МАНИПУЛЯЦИЯ

Общество Иисуса, или орден иезуитов, основано в 1540 году Игнасием Лойолой. Бывший баскский воин после тяжелого ранения при Памплоне оказался прикован к постели и, не найдя любимых рыцарских романов в библиотеке замка, принялся читать Библию и жития святых. Это изменило жизнь Игнасио. В 1534 году Лойола с друзьями дал обет служить Церкви, а через несколько лет Папа Павел III официально утвердил новый орден. Цель была амбициозна: создать «армию Христа» и остановить Реформацию.

Главным оружием иезуитов стало не насилие, а знание и работа с душой человека. Они основали сеть школ и университетов, где преподавали не только богословие, но и философию, языки, науки. Их педагогика стала эталоном XVII века. Девиз ордена – *Ad maiorem Dei gloriam* («К вящей славе Божьей»).

Особую славу иезуиты снискали в миссиях. Франциск Ксаверий проповедовал в Индии и Японии, Матео Риччи пытался наладить диалог с Китаем. В Латинской Америке орден создал «редукции» – поселения индейцев, сочетавшие христианизацию с защитой от колонизаторов (об этом снят фильм «Миссия» с Робертом де Ниро).

Но растущее влияние ордена стало раздражать монархов. В 1773 году папа Климент XIV распустил Общество Иисуса, хотя в России Екатерина II проигнорировала этот указ. В 1814 году орден был восстановлен и действует до сих пор. Сегодня в нем около 15 тысяч членов; иезуиты управляют сотнями учебных заведений и научных центров. В 2013 году впервые в истории Папой стал иезуит – Франциск.

Их история – это сплав духовной дисциплины, интеллектуальной силы и политического влияния. Но

вместе с уважением они приобрели и репутацию манипуляторов. В основе – духовные упражнения Лойолы, настоящий «психотренинг» XVI века, формирующий послушание и внутреннюю стойкость. Часто иезуиты становились исповедниками монархов и знати, что открывало им путь к влиянию на политику. Казуистика, их умение находить лазейки в морали ради высшей цели, вызывала обвинения в двуличии. Они считали, что главное – привести душу к Богу, а средства могут быть разными. Недаром их называли «серыми кардиналами», умеющими незримо направлять события.

Как бы к ним ни относились, иезуиты оказали огромное влияние на образование, миссионерство и культуру, оставив след, который до сих пор ощущается в мире.

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ЗОЛОТОЙ ЛАНИ»

Первоначально корабль капитана Френсиса Дрейка назывался «Пеликан», но в августе 1578 года, перед выходом из Магелланова пролива, он переименовал его в «Golden Hind» – в честь своего покровителя, на гербе которого красовалась золотая лань. Капитан прославился как настоящий «морской корсар королевы». Дрейк и его команда отличались бесстрашием, морским умением и, что удивительно для их профессии, не были особенно жестокими. Хроники рисуют капитана не садистом, а жестким, но прагматичным капером. В отличие от пиратов Карибов, он действовал с молчаливого одобрения Елизаветы I и имел королевскую «лицензию» на грабеж в интересах Англии.

В декабре 1577 года он вышел из Плимута во главе пяти кораблей. Официальная цель – «исследования», на деле – налеты на испанские колонии. В августе 1578-го штормы в Магеллановом проливе разметали эскадру, и в океан вышла лишь «Золотая Лань». Отброшенный далеко к югу, Дрейк первым из европейцев понял: за Огненной Землей нет материка, а только море. Так он открыл проход между Южной Америкой и Антарктидой, позже названный его именем. Это и сегодня необычайно опасное место, где частые штормы, огромные студёные волны и случаются кораблекрушения. В морской традиции по сей день прошедшие проливом Дрейка могут носить золотую серьгу в ухе. Это очень почетно.

В Тихом океане Дрейк грабил испанские города и суда. Самая знаменитая добыча – галеон «Ну-

эстра Сеньора де ла Консепсьон», прозванный англичанами «Какафуэго». В марте 1579 года у берегов Перу судно, нагруженное золотом, серебром и пряностями, сдалось почти без боя. Добыча была колоссальной – ценностей на миллионы фунтов. Затем Дрейк поднялся до Калифорнии, объявил эти земли владением Англии и назвал «Новой Альбион».

Дальше путь «Золотой лани» лежал через Тихий океан к Молуккским островам, затем вокруг мыса Доброй Надежды и домой. В сентябре 1580 года Дрейк вернулся в Плимут первым англичанином, обогнувшим Землю. Кругосветка принесла Англии славу и несметные богатства, укрепив морскую мощь короны.

Экспедицию финансировали влиятельные вельможи: Роберт Дадли, Фрэнсис Уолсингем, Джон Хокинс и другие. Сам Дрейк вложил очень большую сумму – около 1000 фунтов. Прибыль оказалась фантастической: на каждый вложенный фунт инвесторы получили 47 – то есть невероятные 4700 % дохода. Королева напрямую участвовать не рискнула, но через посредников вложила около 14000 (часть – из конфискованных у испанцев средств). Это позволяло при провале «откреститься» от дела: ведь войны с Испанией еще не было. Но успех превзошел ожидания: Елизавета получила около 1160 000, что превышало годовой доход короны.

Благодарная монархиня лично посетила вернувшуюся «Золотую лань», наградила команду и прямо на палубе возвела капитана в рыцари. С этой минуты он стал сэром Френсисом Дрейком. Его триумф вошел в историю как символ богатства и силы новой морской державы.

Первое здание русского театра в Тифлисе

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

180 лет русскому театру в Грузии. Что можно добавить к этому непреложному факту? Какие новые эпитеты подобрать, какие эмоции выразить, какие фамилии вспомнить, какими размышлениями поделиться? Кажется, обо всем уже рассказано, все чувства проявлены! Да, нам 180. Да, 20 сентября 1845 года по инициативе наместника графа Михаила Воронцова в Тифлисе был создан русский театр. И он продолжает радовать своих верных почитателей, предвкушающих открытие нового сезона! Как и 180 лет назад, когда театр впервые распахнул свои двери.

ГРИБОЕДОВСКИЙ

Помню свое ликование, когда в Центральном государственном архиве Грузии я нашла уникальные документы – переписку, положившую начало формированию русской труппы; когда перечитывала письма наместника Кавказа Александра Ивановича Барятинского (он тоже приложил руку к созданию театра), великого Михаила Щепкина, первого режиссера русской труппы Александра Яблочкина и многих других, поставивших перед собой огромную, сложную задачу

– создать в Тифлисе профессиональный русский театр.

Первое здание, в котором играла русская труппа, находилось на том самом месте, где сегодня стоит памятник Георгию Победоносцу – на тогдашней Эриванской площади, а сегодня – Свободы. Оно было построено по проекту итальянского архитектора Джованни Скудиери на средства армянского мецената, купца 1-й гильдии, почетного гражданина Тифлиса и Ставрополя, коммерции советника, кавалера ордена Станислава 3-й степени Гавриила Ивановича Тамамшева. 8 ноября 1851 года состоялось открытие здания (поначалу спектакли нового театра показывали в помещении Манежа). С этого дня здесь выступали артисты трех трупп – русской драматической, грузинской и итальянской. Правда, просуществовало оно недолго, всего 23 года: сгорело! Начальник штаба Кавказской армии генерал-майор Владимир Антонович Лимановский доложил в своем письме Его Императорскому Высочеству (послание датировано 12 октября 1874 года): «Караван-сарай и находящийся внутри онаго Зимний театр со всеми при нем помеще-

ниями сгорел совершенно. Остались одни голые стены».

Вместе со зданием сгорели мечты первого режиссера тифлисского русского театра Александра Яблочкина. Прямо по пожаром с ним был заключен контракт на шесть лет с субсидией в 44 000 рублей и единовременным пособием в 3 000 рублей на пополнение убытков минувшего сезона. Но в связи с несчастьем столь выгодный контракт был расторгнут.

Таким драматичным было начало.

За 180 лет своего бытия русский театр пережил многие катаклизмы – природные, экономические, политические. Но каждый раз возрождался из пепла, как птица Феникс.

Я, разумеется, не собираюсь в очередной раз излагать всю долгую историю русского театра в Грузии. Но не могу вновь не отметить, что именно на тбилисской русской сцене кто-то из именитых режиссеров только начинал свой путь (Георгий Товстоногов, Роберт Стуруа, Гоги Маргвелашвили), другие преодолевали кризис (Леонид Варпаховский, вернувшийся из многолетней ссылки, Петр Фоменко, переживавший

в начале 70-х прошлого века непростой период), а для третьих это было время творческого расцвета (Александр Товстоногов, Гизо Жордания). Значимую лепту в историю театра внесли Гига Лордкипанидзе, Котэ Сурмава, Леван Мирцхулава, Гоги Кавтарадзе, Гоги Маргвелашвили. Их творческий вклад отражен в экспонатах музея – афишах, программах, фотографиях, рецензиях.

В музее театра находятся фотоархивы актеров, игравших на Грибоедовской сцене в разные годы: кинозвезд Беллы Белецкой и Ариадны Шенгелая, любимиц тбилисской публики Натальи Бурмистровой, Тамары Белоусовой-Шотадзе, Валентины Семиной, Людмилы Артемовой-Мгебришвили, Светланы Головиной, а также блистательных артистов Владимира Брагина, Ефима Байковского, Игоря Злобина, Анатолия Смиранина, Павла Луспекаева, Арчила Гомиашвили, Юрия Шевчука, Джемала Сихарулидзе, Бориса Казинца (через месяц мы будем поздравлять его с 95-летием). А память о спектаклях сохраняется в уникальных фотографиях 20-90-х годов прошлого столетия и, конечно, нового времени.

Имеется большая коллекция театральных программ – в них отражены многие интересные моменты истории театра. Самая старая – от 9 января 1904 года. Это программа-саше (салфетка). В ней сообщается о спектакле труппы драматических артистов под дирекцией Б.С. Вечеслова «Два подростка» Пьера де Курсе в Козлове (ныне Мичуринск Тамбовской области). Бенефис актрисы Малого театра Тинатины Арминини – дочери армянского драматурга Габриэла Сундукяна. А программа, датированная 31 мая 1916 года, оповещает о спектакле «Живой труп» Л. Толстого антрепризы А.В. Полонского – бенефисе Н.Н. Васильева с участием заслуженного артиста Императорских театров Александра Ивановича Южина (Сумбаташвили) и артистки Императорского театра Анастасии Александровны Левшиной. Спектакль состоялся на сцене Тифлисского казенного театра (ныне в этом здании располагается Тбилисский государственный театр

оперы и балета имени З. Палиашвили), где обычно выступали русские антрепризы.

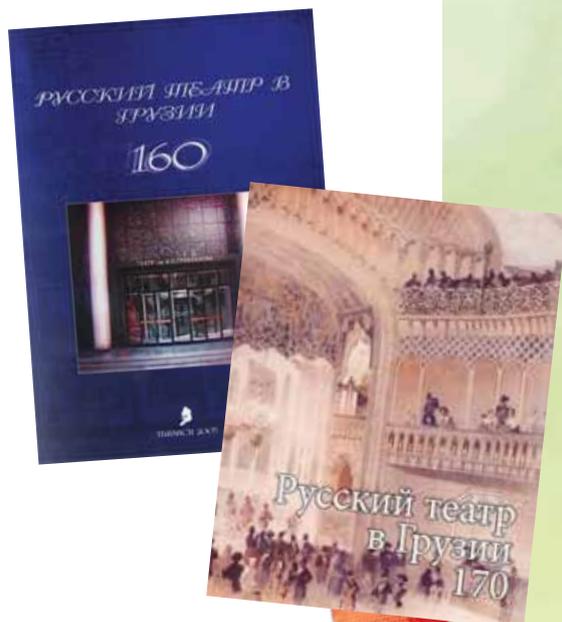
Кстати, русский театр, после того как сгорело тамамшевское здание, долгое время существовал именно в форме антреприз. Антрепризой было знаменитое Товарищество новой драмы, возглавляемое молодым актером и режиссером Всеволодом Мейерхольдом (1904-1906). Это был плодотворный период в творчестве будущего реформатора русской сцены – он был важным как для тифлисского театра, так и для самого Всеволода Мейерхольда. По сути, здесь произошло его «рождение» как режиссера – в Тифлисе он начал свой путь в качестве популяризатора эстетики Московского Художественного театра – фактически он привез в Грузию «филиал МХАТа», а завершил его экспериментальными постановками, в которых уже заявил о себе как новатор. В тбилисской антрепризе имени Н.Д. Лебедева начинал свой путь будущий руководитель московского Камерного театра Александр Таиров (1913). Еще одно Товарищество было создано в 1915 году – Товарищество артистов Российского театрального общества (ТАРТО). Его основателем стал Александр Туганов. В годы Первой мировой войны публика, до отказа наполнявшая зал театра «Артистического общества», хотела видеть развлекательный репертуар. Но ТАРТО не шел на поводу у невзыскательных зрительских вкусов: на его сцене играли пьесы Гоголя, Чехова, Островского, Грибоедова, западноевропейских классиков.

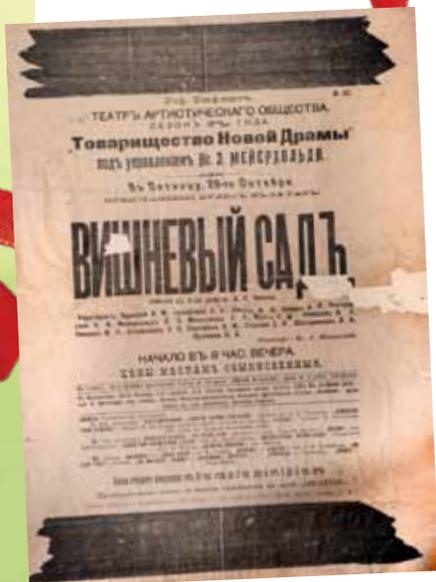
Уже в советское время появился Тифлиссский рабочий театр (1926-1930), возглавляемый Владимиром Швейцером (Пессимистом). В богатой музейной коллекции программ представлен, в том числе, его разнообразный репертуар. ТРТ просуществовал недолго, однако именно он – прямая предтеча будущего театра имени А.С. Грибоедова. К этому периоду истории русского театра в Грузии отсылает также рисунок Василия Кроткова – когда-то довольно известного, а ныне незаслуженно забытого художника. Сохранившийся в музее театра раритет – карандашный портрет одного из персонажей спектакля

Тифлисского рабочего театра «Рычи, Китай!» С. Третьякова.

На сцене Тифлисского рабочего театра шли «Шторм» Владимира Биляя-Белоцерковского, «Медвежья свадьба» Анатолия Луначарского, «Воздушный пирог» Бориса Ромашова, русская классика. Главным режиссером ТРТ был Владимир Константинович Татищев – режиссер, сценограф, актер, работавший в московских театрах К.Н. Незлобина, Ф.А. Корша и имени МГСПС (Московского губернского совета профессиональных союзов, ныне Театр имени Моссовета), создатель новосибирского театра «Красный факел». «Строгое и скромное оформление спектаклей, четкость и углубленность характеров и весь дух художественной правды и революционного подъема, какими были проникнуты первые спектакли, сразу определили место театра в культурной жизни города», – пишет Владимир Ладогин, автор книги «Тифлиссский рабочий театр». Руководители театра новой эпохи заявляли о своем стремлении к сценическому реализму, углубленному влияниямми современных жизненных ритмов, кино, архитектуры, революционного плаката.

Переломным стал 1932 год. 1 сентября вышло постановление Наркомата просвещения Грузии о создании Государственного театра русской драмы, который через два года получит имя Александра Грибоедова. Спектакль

«На дне» Горького в постановке основоположника грузинского профессионального театра Котэ Марджанишвили ознаменовал это экстраординарное событие в культурной жизни Грузии. Судя по первой афише нового театра, в его работе должны были принять участие лучшие режиссеры того времени, признанные сегодня выдающимися явлениями мирового театра. Но нельзя не упомянуть еще один факт: в 20-е годы прошлого столетия недолго просуществовал Новый театр, возглавляемый Котэ Марджанишвили. Спектакли (преимущественно модернистские пьесы) шли на русском языке.

Особенно радует, когда собрание музея пополняют потомки тех, кто оставил яркий след в истории русского театра. Сравнительно недавно поступил дар от правнучки актера и режиссера Николая Шестова, возглавившего в 20-е годы «Первый советский театр» в Тифлисе, – дебютный сборник статей Всеволода Мейерхольда «О театре» (антикварная книга, выпущенная в Санкт-Петербурге книгоиздательским товариществом «Просвещение», 1913). В архиве театра – антикварные книги: «Три сестры». Пьеса А. П. Чехова в постановке Московского Художественного театра» (Эфрос Николай Ефимович. Прижизненное издание. Санкт-Петербург, 1919) и «Горе от ума». Постановка Московского Художественного театра» (Прижизненное издание книги русского режиссера, педагога, реформатора и теоретика театра, народного артиста СССР Владимира Ивановича Немировича-Данченко, 1923).

В один прекрасный день в Грибоедовском появилась петербурженка Марина Игоревна Бессмертная – библиограф по образованию, правнучка актера, режиссера Александра Семеновича Любоша (1880-1954), стоявшего у истоков создания театра имени Грибоедова уже на новом этапе становления русской сцены в Грузии (еще раз напомним, что год ее рождения – 1845-й). Марина Игоревна передала в дар музею уникальные материалы из семейного архива – фотографии Александра Любоша, эскизы художника Василия Кроткова, поздравительный адрес – рукопись с автографами режиссеров, актеров, художников Тифлисского рабочего театра, датированная 1929 годом.

В коллекции музея – гримировальные принадлежности великой грузинской трагической актрисы Верико Анджапаридзе, которая с успехом играла как на грузинской, так и на русской сцене. В музее театра бережно хранится концертное платье Натальи Бурмистровой, полвека отдавшей Грибоедовской сцене. В 2018 году, к столетию со дня рождения актрисы, была торжественно открыта ее мемориальная гримерная. Именно в этой комнате актриса готовилась к выходу на сцену. Среди фотографий на стене гримерной – сцена из спектакля «Деревья умирают стоя» Алехандро Касоны, где молодая актриса Наталья Бурмистрова запечатлена вместе с Верико Анджапаридзе. Наталья Михайловна создала образ молодой аргентинки Марты – как отмечает

критика, психологически сложную, драматическую роль она играла легко и непринужденно. А Верико Анджапаридзе выступила в роли Бабушки. Грузинская актриса блистала в этом образе и на грузинской сцене театра имени Марджанишвили, а затем появилась в роли Эухении Бальбоа в Грибоедовском театре, причем играла на русском языке.

В архиве музея театра – фотографии народной артистки СССР Елены Гоголевой, выступавшей на Грибоедовской сцене в спектакле «Остров Афродиты» Алексиса Парниса в постановке Анатолия Випмана (1961); снимки, запечатлевшие приезд вахтанговцев в Грузию на гастроли в конце 70-х годов прошлого столетия, а также участие народного артиста СССР Евгения Самойлова в спектакле театра Грибоедова «Океан» Александра Штейна в постановке Серго Челидзе (1964).

На русской сцене поставил свой дипломный спектакль Роберт Стура – «Сокровище» Джона Пристли (1961), о чем напоминают программа, плакат и фотографии ведущей актрисы театра Валентины Семиной, сыгравшей в спектакле одну из главных ролей.

На тбилисской русской сцене работал и учитель Роберта Стуря, прославленный режиссер Михаил Туманишвили. Он выпустил драму «Вид с моста» Артура Миллера. В коллекции музея театра – рукопись мастера.

В театре Грибоедова дорожат памятью о Леониде Варпаховском – выдающемся режис-

Театральное общество «Романтики». Конец XIX в.

сере с драматической судьбой. Благодаря дружбе театра с его дочерью, актрисой Анной Варпаховской, архив музея пополнился новыми фотоматериалами. В Грузии он работал очень мало – с 1953 по 1955 годы, в сложное для него время: Леонид Викторович только вернулся из ссылки. И его возвращение было триумфальным! В 1953 году Варпаховский поставил чеховскую «Чайку», о которой долго вспоминали как участники спектакля, так и зрители. Позднее режиссер выпустил еще две работы – знаковую постановку «Дни Турбиных» Булгакова и комедию «В сиреневом саду» Цезаря Солодаря.

Всего два сезона прослужил в Грибоедовском и легендарный Петр Фоменко, поставив здесь два спектакля – пьесу эстонского драматурга Раймонда Каугвера «Свой остров» и комедию «Дорога цветов» Валентина Катаева. В музее театра хранится своего рода реликвия – плакат «Свой остров». Действие спектакля происходило на территории предприятия, где царит неустроенность. Петр Наумович нашел в этом материале то, что его тогда волновало, – собственная творческая, личная неустроенность. В то же самое время Фоменко обрел в Тбилиси личное счастье – в архиве театра хранятся его свадебные фотографии. Правда, брак режиссера с прекрасной грузинкой продлился недолго – как и «грибоедовский» период мастера.

Можно бесконечно вспоминать, вспоминать прошлое... Главное, что сегодня, в юбилейный год, Грибоедовский вновь ждет своих зрителей, открывает сезон премьерой: спектаклем «По обе стороны» по пьесе Домана Новаковского «Некоторые разновидности орлов» (перевод с польского Л. Бухова). Режиссер-постановщик – Андро Енукидзе. В ролях: Арчил Бараташвили, Олег Мчедлишвили. В афише театра – Чехов, Гоголь, Достоевский, Тургенев, Гольдони, Габриадзе, Мрожек. Театр уже много лет возглавляет Авто Варсимашвили. Режиссеры театра – Андро Енукидзе, Ника Чикваидзе. Их постановки определяют нынешнее лицо Грибоедовского.

Георгий Товстоногов с актерами-грибоедовцами Анатолием Левиным и Борисом Казинцом

ГЕОРГИЙ ТОВСТОНОГОВ

В Грибоедовском театре было создано «Товстоноговское фойе» – фотоэкспозиция, посвященная отцу и сыну Товстоноговым: Георгию Александровичу и Александру Георгиевичу. На Грибоедовской сцене молодой Георгий Товстоногов выпустил свою дипломную работу «Дети Ванюшина» Сергея Найденова – в числе тринадцати спектаклей, поставленных им на сцене театра имени Грибоедова с 1939 по 1946 годы. В архиве хранятся программы этих спектаклей Георгия Александровича.

А с 1974 по 1979 годы театр возглавлял его сын Александр Товстоногов. Это было время бурного расцвета театра. «Хотя деятельность Сандро Товстоногова в театре Грибоедова продлилась всего шесть лет, можно смело назвать эти шесть лет эпохой, поскольку именно тогда в истории театра появилась новая точка отсчета. Шесть лет в статусе главного режиссера, пять премьер в первом же сезоне, 20 спектаклей в общей сложности, и, как писала тогдашняя пресса, все – успешные; звание заслуженного деятеля искусств, театральные премии – все это дает нам основание для такого вывода», – пишет в своей монографии о режиссере грузинский театровед Лела Очаури. В архиве театра хранится большое количество афиш, плакатов, программ и фотографий, отражающих творчество Александра Товстоногова «грибоедовского» периода.

Театру повезло – юбилеи Грибоедовского совпадают с юбилеями «великого Гоги». Потому что родился режиссер 28 сентября

1915 года. И так уж повелось, что мы все время отмечаем день рождения Товстоногова вместе с датой создания русского театра.

Не забывать тех, кто строил русский театр в Грузии, кто создавал Грибоедовский, – добрая традиция нашего театра. В ноябре 2000 года Центр российской культуры в Грузии вместе с театром имени А.С. Грибоедова отметили 85-летний юбилей Георгия Товстоногова и 155-летие театра. В связи с этой датой в столицу Грузии прибыла представительная делегация Санкт-Петербургского Большого драматического театра, носящего имя Г. Товстоногова. Возглавлял ее верный ученик мастера, знаменитый актер и театральный деятель, народный артист СССР Кирилл Лавров. Гостей приветствовали ведущие актеры-грибоедовцы: Л. Артемова-Мгебришвили, Э. Кухалеишвили, В. Харютченко, Н. Гомелаури, И. Мегвинетухуцеси. В дни юбилея председатель Союза театральных деятелей Грузии Гига Лордкипанидзе – кстати, тоже ученик Товстоногова, подчеркнул, что Георгий Александрович прежде всего – грузинский режиссер, воспитанный на традициях Котэ Марджанишвили и Сандро Ахметели. «Товстоногов чувствовал время! – отметила сестра режиссера Натела Товстоногова.

«Все слилось воедино: тбилисский День города, юбилей Театра имени Грибоедова и 85-летие главного режиссера питерского БДТ, вот уже десять лет носящего его имя... «Не проходит дня, чтобы мы не вспомнили своего учителя и не ощутили его отсутствия», – сказал на торжественном вечере художественный руководитель БДТ имени Товсто-

ногова Кирилл Лавров, которого зал приветствовал стоя. – Товстоногов принадлежит в равной мере русскому и грузинскому театрам, и это сильнее любых политических разногласий». А поздним вечером, за ужином при свечах, звучали тосты на русском и грузинском языках, анекдоты о знаменитом тбилисском Авлабаре, где благодаря блистательной товстоноговской «Хануме» «каждый ленинградец чувствует себя дома» (Ю. Кантор. Юбилейный вечер при свечах. «Известия»).

«Вечер в театре Грибоедова объединил русскую и грузинскую театральную интеллигенцию города с их российскими друзьями» (Михаил Сидлин. Товстоногов при свечах. «Независимая газета»).

Спустя два года после того, как театр отпраздновал 85-летний юбилей мастера, в фойе большого зала состоялась церемония открытия мемориальной доски, посвященной Георгию Товстоногову. Это произошло в дни фестиваля «Виват, Санкт-Петербург!», приуроченного к 300-летию города. А еще через год рядом с мемориальной доской Г. Товстоногова появились две новые: грибоедовцы почтили память гениев, также оставивших значительный след в истории русского театра в Грузии, – Котэ Марджанишвили и Всеволода Мейерхольда. Уже в 2013 году была установлена мемориальная доска памяти нашего современника – Петра Наумовича Фоменко. Первая после кончины режиссера в августе 2012 года. Позднее, в дни 170-летия Грибоедовского, были установлены мемориальные доски в память Леонида Варпаховского и Гиги Лордкипанидзе, год назад появилась табличка, посвященная Гайозу Жордания.

Но вернемся к Георгию Товстоногову. В честь его очередного юбилея, в 2015 году, в серии «Русские в Грузии», издаваемой Союзом «Русский клуб», вышла книга «Тбилиси – Санкт-Петербург и обратно», в которой не только затронуты основные моменты биографии режиссера и творческого пути мастера, особенно его тбилисского периода, но и подчеркнута преемственность – на примере «Ханумы» А. Цагарели и «Холстомера» по Л. Толстому, поставленных на Гри-

боедовской сцене Авто Варсичашвили. Трагическую исповедь «Холстомер. История лошади» грибоедовцы посвятили памяти Георгия Товстоногова и Евгения Лебедева.

Еще один факт. Актер театра Грибоедова Валерий Харютченко первым получил приз имени Георгия Товстоногова, учрежденный председателем Театрального общества Грузии Георгием Гегечкори. Вручение награды произошло во время празднования юбилея артиста.

КИРИЛЛ ЛАВРОВ

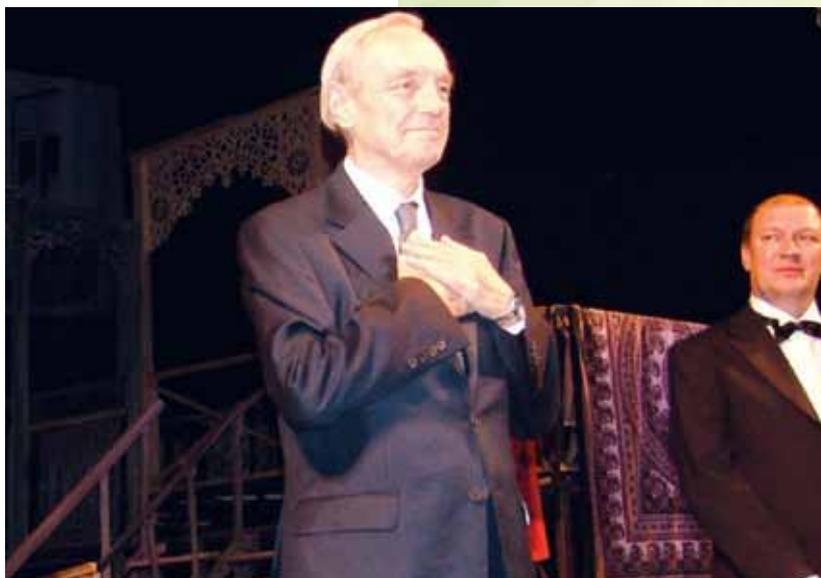
Бережно хранится в музее Грибоедовского театра подарок – книга, посвященная замечательной личности, общественному деятелю, председателю Международной конфедерации театральных союзов, любимому несколькими поколениями зрителей артисту Кириллу Юрьевичу Лаврову, с его автографом. Лавров всегда был верным другом грибоедовцев, и в театре особенно дорожат воспоминаниями о нем. В сентябре отмечается столетие со дня рождения Кирилла Юрьевича.

Лавров приезжал в Тбилиси по самым важным поводам. Так, в 1993 году на доме, где жили Товстоноговы, была установлена памятная доска, и улицу назвали в честь режиссера. Конечно, Кирилл Юрьевич непосредственно участвовал в этом событии.

Лавров был почетным гостем на 160-летнем юбилее театра Грибоедова и выступил на праздни-

ном вечере. Его слово, обращенное к грибоедовцам, как всегда, было согрето особым чувством любви к старейшему коллективу, сумевшему в сложные времена сохранить свое творческое лицо. Лавров высоко оценил спектакль театра «Ханума», который задумывался как посвящение Георгию Товстоногову.

– Я увожу самые приятные впечатления, – сказал тогда Кирилл Лавров. – Замечательно, что на юбилей собрали «однополчан», сослуживцев, старых грибоедовцев, которые живут, работают в других странах, городах. Я поражаюсь, как удалось изыскать средства. И спасибо спонсорам, которые помогли театру, потому что сами не справились бы. Эта поездка оставила самые добрые, теплые воспоминания. Покидаю Грузию с очень хорошим чувством. Надеюсь на новые встречи. Очень приятно, что юбилей состоялся, несмотря на известные осложнения в государственной политике между Россией и Грузией. Что ж, политика есть политика, и в ней происходят вещи, о которых мы даже не ведаем. Но мне очень понравилось, что отношения на межличностном уровне абсолютно не изменились. Наоборот, мне кажется, что не только друзья, но и люди, которых я никогда раньше не встречал, проявляли ко мне теплоту и доброту, и это невозможно забыть. За прошедшие столетия мы стали настолько едины в своих устремлениях и отношениях, что просто разрушить

Кирилл Лавров и Николай Свентицкий на 160-летнем юбилее театра Грибоедова

это нельзя. Я это здесь осознал очень хорошо. И это главное, что я вожу в своем сердце.

Грибоедовцы гордятся тем, что среди многих престижных наград, которыми они обладают на сегодняшний день, – премия имени Кирилла Лаврова. Она была вручена театру на фестивале «Встречи в России» в 2017 году.

Лаврова всегда отличала активная жизненная позиция, принципиальность. А скольким людям он протянул руку помощи! Только один пример: в 1959 году он увидел на сцене Киевского театра русской драмы имени Леси Украинки Павла Луспекаева (кстати, бывшего грибоедовца) и был поражен талантом актера. По совету Лаврова Георгий Товстоногов пригласил Луспекаева в БДТ. На сцене Большого драматического актер сыграл свои лучшие роли. Кстати, Лавров уступил Луспекаеву роль Чиркуна в «Варварах».

Кирилл Юрьевич проделал огромную работу для сохранения творческого наследия Георгия Товстоногова после кончины режиссера, взяв на свои плечи тяжелый груз художественного руководства БДТ. Он внес вклад и в развитие российско-грузинских культурных связей. Хотя бы в том отношении, что пригласил в Санкт-Петербург грузинского режиссера Темура Чхеидзе в сложные для уникального театра времена.

Вот как Лавров вспоминал об этом в нашем интервью в дни 160-летнего юбилея:

– У поколения, которое воспитывалось на спектаклях Товстоногова, есть ностальгические чувства. Что тут поделаешь? Нет Товстоногова – нет и его театра. Это надо понимать очень четко. Я считаю своей заслугой то, что после смерти Товстоногова нам удалось сохранить нашу труппу. А могло быть по-другому – могли разбежаться, уйти в другие театры. И их можно было бы понять: нет Товстоногова, нет и прежнего интереса. Однако нам удалось этого избежать, что очень важно. Те шестнадцать лет, что Георгий Александровича нет с нами, мы прожили достойно. Не потеряв благородства, уважения к профессии, зрителям. В этом огромную роль сыграл Темур Чхеидзе, которого я пригласил для поста-

Спектаклю-долгожителю «Кроткая» – 20 лет

новки спектакля после смерти Товстоногова. И он поставил на сцене БДТ «Коварство и любовь» Шиллера, спектакль, который пользовался огромной популярностью у зрителей. Его сняли только в прошлом году. Причем сделали это с огромным душевным скрежетом, если так можно выразиться. Потому что на каждом спектакле были аншлаг и восторг зрителей. Я очень ценю Темура Чхеидзе за его интеллигентность, внутреннюю тонкость, порядочность. В общем, я очень люблю этого человека. С первого дня прихода в БДТ он влюбил в себя всю труппу. Каждый из актеров считает для себя честью и большой удачей попасть в его спектакль. И потом у него есть удивительное качество: во время репетиций коллектив исполнителей живет насыщенной внутренней жизнью. Темур умеет сплотить вокруг идеи, замысла, сделать актеров единомышленниками. Это благотворно влияет на психологический климат в театре. В главном они с Товстоноговым очень похожи: обоим свойственна опора на актеров. Выявление каких-то своих режиссерских штучек – этого никогда не было у Товстоногова, хотя, когда смотришь его спектакли, понимаешь, что это сделано большим мастером. Но стремление выразить весь свой замысел через актеров и огромная работа с ними – вот это сближает творческий стиль Чхеидзе с режиссерской манерой Товстоногова. Хотя, конечно, разница существует, у каждого художника свой почерк. Темур всегда готов к репетиции, приходит в театр с

уже приготовленной дома разработкой, знает, что хочет, чего ему нужно добиваться от актеров, четко представляет цель, направление работы. У Товстоногова на репетиции иногда возникало ощущение, что он дома даже не прочитал пьесу. Это, конечно, было ошибочное впечатление. Но он любил розыгрыши. Что вы мне подсунули, что это за пьеса? И начинал работать... Товстоногов очень ценил актерскую импровизацию. Терпеть не мог, когда актер приходил «пустой». Многие из того, что делалось в спектакле, было взято им от актеров, поэтому все его репетиции превращались в спектакль. Он высказывал на сцену, что-то показывал и тут же заставлял кого-то что-то делать. Это было настолько интересно, что на его репетиции приходили актеры, не занятые в постановке, чтобы просто посмотреть этот спектакль. Георгий Александрович был артистом по своей природе, и сам зажигался, когда в зале возникала реакция на его остроумное замечание. Он умел создать ощущение коллективного творчества.

Мы упомянули театральную общественную деятельность Кирилла Лаврова. Но для меня, кроме всего прочего, Кирилл Юрьевич – ни с кем не сравнимый Иван Карамазов из фильма Ивана Пырьева «Братья Карамазовы», Нил из легендарных «Мещан» Г. Товстоногова, Понтий Пилат из булгаковской экранизации «Мастера и Маргариты» В. Бортока – одна из последних блистательно сыгранных ролей великолепного актера.

МЕСТО, ГДЕ ЛЮДИ МОЛОДЕЮТ

■ Тенгиз ПАЧКОРИЯ

50 лет назад в Батумском дельфинарии состоялось первое шоу дельфинов для зрителей. На тот момент это был первый показательный дельфинарий на территории бывшего Советского Союза и один из крупнейших дельфинариев мира. В 1975-1989 годах его ежегодно посещали около 400 тысяч туристов из СССР, Европы и Азии. Мне, коренному сухумцу, проживавшему в родном городе до 1993 года, не раз приходилось на «Комете» (наверняка многие помнят этот

теплоход на подводных крыльях), поезде или самолете добираться до Батуми, чтобы провести на эти представления знакомых, друзей или коллег. Надо признать, достать билеты было непросто.

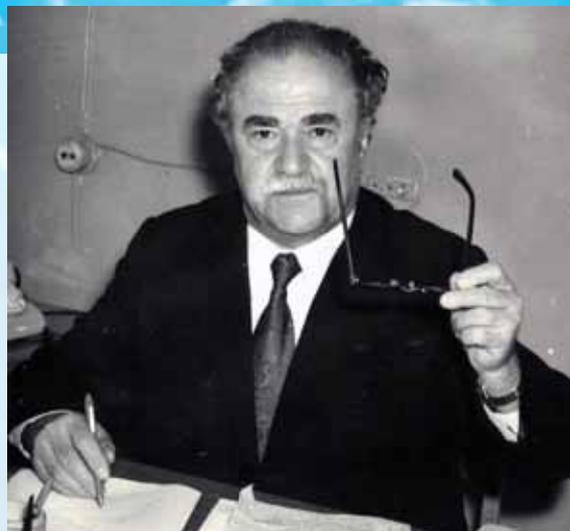
Дельфинарий приобрел такую популярность, что дельфин стал символом Батуми. А в начале 90-х годов, по понятным причинам, дельфинарий закрылся. И лишь спустя 20 лет, по инициативе мэрии и при поддержке Благотворительного фонда «Карту», он открылся заново.

Батумец Тариэл (Тенго) Церодзе, выпускник биофака ТГУ 1974 года, доктор биологических наук, работал в Батумском дельфинарии с момента его основания. Он активно трудится и в новом, руководя там Центром морских млекопитающих.

Т. Церодзе рассказал, что с 1966 года в Батуми функционировал первый в СССР аквариум, привлекавший большое внимание местных жителей и гостей города. В аквариуме экспонировались ластоногие из северной

части Тихого океана, пушные выдры, каспийские тюлени, разнообразные декоративные рыбы. Особое впечатление на посетителей производила гигантская черепаха из Индийского океана весом около 100 кг. Аквариум был создан по инициативе руководителя расположенного в Батуми Грузинского филиала Всесоюзного НИИ рыбного хозяйства и океанографии Леонида Цуладзе. Уроженец Ланчхутского района, после окончания в 1939 году Астраханского института рыбного хозяйства, он был направлен на

ли хорошие отношения. К началу 1970-х годов, когда Косыгин уже был председателем Совета Министров СССР, Цуладзе поговорил с ним о своем предложении. «Во время разговора с Косыгиным, – вспоминает Церодзе, – Цуладзе привел весомые аргументы для строительства в Батуми дельфинария – с точки зрения развития туризма и науки. Идея понравилась, вопрос был решен на высоком уровне в Москве в кратчайшие сроки, и создание дельфинария в Батуми началось». По его словам,

Леонид Цуладзе

Батумский дельфинарий. Конец 1970-х

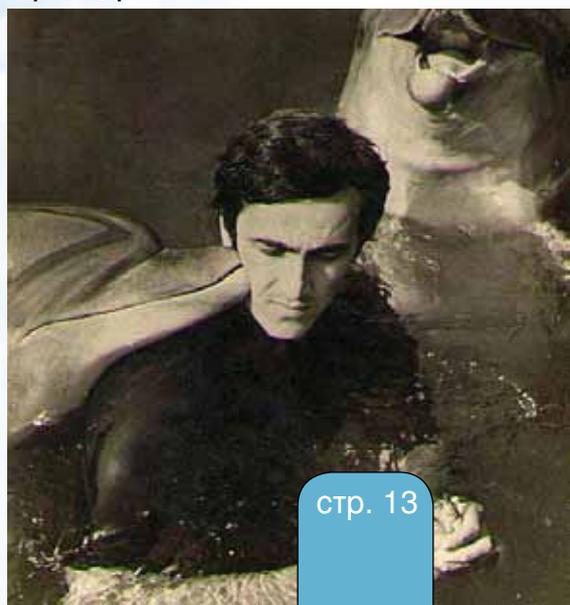
работу в Кыргызстан, где трудился многие годы на ответственных должностях, в том числе и на посту первого заместителя министра пищевой промышленности республики. А в 1959 году вместе с семьей вернулся в Грузию и стал работать в Батуми.

Именно Цуладзе и принадлежала идея создания в Батуми дельфинария. Леонид Элизбарович еще с 1950-х годов по совместной работе хорошо знал Алексея Николаевича Косыгина, и они всю жизнь поддержива-

«строительство было завершено летом 1974 года, а посетителей дельфинарий стал принимать со 2 августа 1975 года, когда состоялось первое представление для зрителей».

В конце 1974 года А. Косыгин лично посетил дельфинарий и остался весьма доволен увиденным. Добавим, что председатель Совмина и ранее неоднократно приезжал в Грузию, проверяя ход строительства ряда важных объектов, в том числе, например, Ингури ГЭС. Но у Косыгина

Тариэл Церодзе

к Грузии был и личный интерес. Во-первых, крепкая многолетняя дружба с некоторыми видными деятелями экономики, культуры и спорта. А во-вторых (если не в первую очередь), его дочь, историк и дипломат Людмила Косыгина, была замужем за грузином, уроженцем Ахалцихе – известным ученым, доктором

водолазы и тренеры Гоги и Роин Иосава, научные сотрудники Гела Геджадзе и Валерий Карабашьян, а также приглашенный из Украины зоопсихолог Ярослав Близнюк».

В 1970-1980-е годы Батумский дельфинарий стал излюбленным местом не только для туристов из республик СССР и стран Ев-

ность Батуми поставила вопрос о необходимости создания нового дельфинария. Как вспоминает Тенго Церодзе, в 2006 г. мэрия Батуми обратилась к фонду «Карту» с просьбой оказать финансовую помощь в строительстве и получила согласие. Старое здание дельфинария и инфраструктура были разобраны из-за их непригодности к эксплуата-

философских наук, академиком Джерменом Гвишиани. И внуки Косыгина, соответственно, – наполовину грузины и носят фамилию отца – ученый-геофизик, академик Алексей Джерменович Гвишиани и кандидат юридических наук Татьяна Джерменовна Гвишиани.

Возвращаясь к Батумскому дельфинарию советского периода, скажем, что он входил в подчинение Института океанографии министерства рыбного хозяйства и океанографии СССР. Тогда «всесоюзное подчинение» учреждения означало более высокий уровень финансирования, чем у учреждений республиканского подчинения. Но, как известно, никакое финансирование не заменит настоящих специалистов. А в дельфинарии трудились профессионалы высокого класса. По словам Т. Церодзе, «большой вклад в успешное функционирование Батумского дельфинария в 1970-х годах внесли известные

ропы, но и для жителей регионов Грузии, особенно детей. Об этом мне рассказал проживающий в Тбилиси Леван Цуладзе, внук Леонида Цуладзе: «В детстве мы фактически все время проводили в Батуми, наслаждались этими представлениями, без конца общались с дельфинами, с тренерами. Можно сказать, мы выросли в дельфинарии». И, видимо, неслучайно Леван из всех видов спорта выбрал ватерполо и в 1980-х годах успешно выступал за команды Тбилиси.

В начале 1990-х дельфинарий был закрыт из-за резкого уменьшения количества туристов, а если точнее – из-за полного их отсутствия. Дельфинов отправили сперва в Югославию, а потом, когда там началась война, перевезли на Мальту. Кстати, Т. Церодзе и двое его коллег около 10 лет проработали на Мальте, в знаменитом дельфинарии «Медитерранео».

Прошли годы, и обществен-

ции и амортизации, и вместо них на этом же месте к 2009 г. был введен в строй совершенно новый по техническим параметрам комплекс (юридически это тоже новая организация).

В комплекс, помимо дельфинария, входят зооуголок, аквариум, детские аттракционы и озеро. В аквариуме сейчас обитает около 100 видов уникальных декоративных рыб, некоторые из которых водятся только в Черном море и пресных водах Грузии. Среди экзотических видов надо отметить амазонскую пиранию, цихлид, рыб Юго-Восточной Азии – гурами, барбуса, боцию, лабео и дискусов. В результате селекционной работы в аквариуме выведен японский карп – кои.

В дельфинарий поначалу привезли дельфинов из Японии, но затем их начали размножать и в Батуми. Дельфинарий ежегодно посещают от 200 до 250 тысяч посетителей. По данным дирекции, в 2024 году на шоу дельфинов по-

бывало 249 тысяч 648 зрителей. «Рекорд же был зафиксирован в 2018 году – тогда представления посетили 252 тысячи человек», – говорит Т. Церодзе.

За последние 10 лет мне довелось несколько раз побывать на шоу в Батуми. Нет слов, чтобы передать все те прекрасные эмоции, которые вызывают у зрителей дельфины и их трене-

проведения там товарищеских и официальных матчей, а также сборов. Многие воспользовались моим советом и получили огромное удовольствие и колоссальный заряд энергии и бодрости.

Знаменитый французский футболист, главный тренер национальной сборной Грузии Вилли Саньоля также получил от меня

игр – сборным Косово, Греции, Испании и Болгарии. А матч со Швецией 11 ноября 2021 года Грузия выиграла со счетом 2:0, оба гола в ворота гостей забил Хвича Кварацхелия.

Второй раз аналогичный совет я дал Саньолю в марте 2023 года. Он сказал, что «помнит о моем совете». И снова факты:

Т. Церодзе с командой тренеров

ры. Танцы, игры с кольцами и мячами, балансировка на хвосте, прыжки, похожие на полет – это незабываемо! Любой взрослый на таком представлении молодеет на глазах!

Сейчас в дельфинарии работает восемь специально подготовленных тренеров. Интересно и зажигательно ведет эти представления известный ведущий Аджарского телевидения и радио Бердо Кутубидзе. Шоу проводят в курортный сезон ежедневно по два-три раза, а с октября по май – либо один раз в день, либо три раза в неделю, в зависимости от потока посетителей.

Всем, кто посещает Батуми и близлежащие города, я советую побывать на этих представлениях – у вас непременно поднимется настроение.

Между прочим, такой совет я всегда даю и представителям футбольных и баскетбольных команд Грузии и других стран, которые приезжают в Батуми для

этого совета. В первый раз это было на пресс-конференции в Тбилиси, в ноябре 2021 года, за пару дней до матча отборочного турнира ЧМ 2022 со сборной Швеции. Главный тренер назвал мое предложение снять предматчевую психологическую напряженность с помощью шоу дельфинов «интересным» и сказал, что «подумает над этим». «Сперва на шоу побывает тренерский штаб, а потом видно будет. Ведь есть специальная программа подготовки футболистов к матчам, и я не знаю, возможно ли включить в эту программу посещение дельфинария. Если мы решим, что повезти футболистов на эти шоу целесообразно, то, конечно, сделаем это», – добавил Саньоля.

Не могу утверждать, что Саньоля с командой побывали на представлении. Но вот факты: до поединка со Швецией сборная Грузии в сентябре-октябре 2021 года проиграла несколько официальных и товарищеских

тогда сборная Грузии провела в Батуми два матча – 25 марта выиграла товарищескую игру у Монголии со счетом 6:1, а 28 марта завершила вничью матч Лиги наций с Норвегией – 1:1.

Кстати, я хорошо помню, какое веселое оживление вызвал мой совет и у тренерского штаба сборной Грузии, и у коллег. А особенно – у самого Саньоля, который в период подготовки к матчам сборной Грузии очень редко улыбается и довольно напряжен.

Тем временем несколько моих коллег уже не раз в шутку мне говорили, что «пока Вилли Саньоля и сборная Грузии не побываю на шоу дельфинов в Батуми, наша национальная команда не сможет пробиться на чемпионат мира». Впрочем, как мы знаем, в каждой шутке – только доля шутки. А все остальное – правда.

ИМЕНЕМ НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ

Жиули Шартава

Вадим АНАСТАСИАДИ

МУЗЕЙНЫЙ ЭКСПОНАТ

Недавно пересматривал свой архив и обнаружил красную цековскую «корочку». Из «корочки», а точнее, из хорошо сбитого, красивого кожаного удостоверения личности за №183 явствовало, что податель сего является редактором газеты «Молодежь Грузии» – органа ЦК ЛКСМ республики. Под строками, обозначающими мою фамилию и должность, стояла печать и значилась подпись первого секретаря центрального комитета Жиули Шартава. Документ был датирован 1980 годом.

В том году Жиули получил новое назначение – после долгих шести лет работы в молодежной организации его переводили заведующим отделом пропаганды в большое ЦК – и он отрабаты-

вал в здании на улице Мачабели свой последний день. В его приемной не было обычного столпотворения, стояла непривычная тишина, и я вдруг вспомнил, что срок действия моего удостоверения давно истек. Секретарша Жиули, Леночка Гамцемлидзе, быстро заполнила и вклеила мне в «корочку» свежий бланк, и я вошел в большой, светлый кабинет шефа.

– Срок моего удостоверения месяц назад истек, и меня теперь никуда не впускают, – пошутил я и положил ему на стол свою «корочку».

Жиули засмеялся:

– Я думал, что все свои дела здесь уже закончил, а ты мне нашел еще одно. Что ж, будем считать, что это последний документ, который я подписываю в

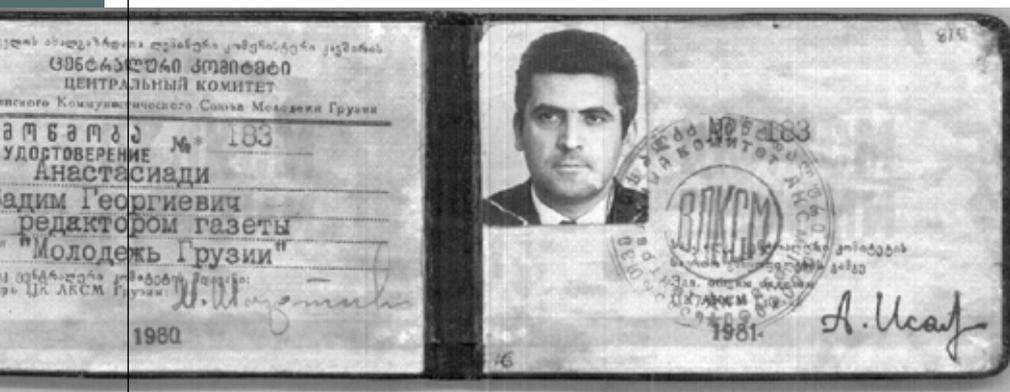
этом здании.

Срок действия удостоверения личности, подписанного Жиули Шартава, истек в 1981 году, но я его не менял в течение всех последующих пяти лет, которые проработал редактором республиканской молодежной газеты и состоял членом ЦК комсомола Грузии.

Вот о каком эпизоде напомнила мне старая красная «корочка» из семейного архива.

ИСТОРИЯ С ПОТУХШИМ ЛАМПИОНОМ

Когда я слышу разговоры о Жиули Шартава или думаю о нем, то почти всякий раз вспоминаю историю, услышанную однажды из уст Мзии Чантурия, преданной сподвижницы Жиули и соратницы во многих его начинаниях. Мзия была первым и, по моему, единственным мэром комсомольского городка Борис Дзнеладзе, являвшегося, без всякого преувеличения, любимым детищем Шартава, тогдашнего первого секретаря ЦК комсомола Грузии. А история была такая. Стоял вечер. Мзия уже закончила свои текущие дела, но из кабинета не уходила. Этим вечером из дальней командировки возвращался Жиули и сразу же по приезде обещал позвонить. Не дожидаться его было нельзя.

Наконец, звонок раздался. Шеф говорил из Тбилисского аэропорта. Но вопроса, с которого он начал разговор, она никак не ожидала.

– Мзия, на отрезке дороги между комсомольским городком и автострадой Тбилиси-Рустави один из электрических столбов стоит с потушенным лампионом. Тебе это известно?

– Не может быть, Жиули Калистратович!

– Представь себе, может. Когда самолет заходил на посадку, я смотрел в иллюминатор и все прекрасно рассмотрел.

– Немедленно проверю и сообщу результат, – сказала Мзия, захлопнула за собой дверь и стала спускаться к уже поджидавшей ее машине. «Тревога, наверняка, ложная, но посмотреть надо, – подумала она. – Как можно рассмотреть из иллюминатора авиалайнера, идущего на посадку, перегоревший лампион?! Это все равно, что найти иголку в стоге сена». Минут через пять она была на месте и «иголку», то бишь потухший лампион на одном из электрических столбов, обнаружила еще издали.

Завершив свое повествование, Мзия умолкла и взглянула на меня. «Ну и что?» – спросил

я, сделав вид, будто ничуть не удивился ее рассказу. «Как это что? Человек из окна летящего, понимаешь, летящего самолета обнаруживает такую мелкую неполадку. Представляешь?!»

Откровенно признаюсь: услышав от Мзии эту историю, я вначале не поверил в ее достоверность и подумал: а не анекдот ли это? Об историях, связанных с именем Жиули Шартава, в ту пору в комсомольских кругах говорилось всякое. Я этому не удивлялся. Вокруг таких деятельных людей, как Жиули, всегда образуется пространство для мифотворчества. Впрочем, те истории, в которых главным действующим лицом выступал Шартава, как впоследствии выяснялось, всегда имели под собой реальную почву.

ХРУСТАЛЬ ДЛЯ ШЕФА

– 7 марта был днем рождения Жиули, – рассказывал бывший руководитель цхалтубской районной комсомольской организации Мирза Коркашвили. – Примерно за месяц до этой даты мне позвонила Мзия Чантурия и попросила изготовить на нашем хрустальном заводе вазу для цветов. Эту вазу вместе с цветами сотрудники аппарата ЦК собирались вручить в день рождения своему шефу. Я просьбу выполнил. Цветам Жиули обрадовался, а по поводу вазы стал интересоваться, откуда она и на какие деньги куплена. Выяснив, что ваза изготовлена на нашем заводе, позвонил мне. Его интонации меня насторожили. Пришлось выкручиваться. Я сказал, что подарок – это инициатива наших комсомольцев, которые узнали о дне рождения и решили сделать ему сюрприз. Жиули засмеялся: «Молодец, находчиво отвечаешь. Ваза очень хорошая, спасибо. Только когда будешь в Тбилиси, заведи ее, сделай соответствующую надпись – кто и где ее изготовил, и мы выставим эту вазу на всеобщее обозрение в нашем музее, она и вправду очень хороша». Мне ничего не оставалось, как последовать совету. Так наша ваза стала экспонатом выставочного зала в городке Борис Дзnelадзе.

АВАНТЮРНЫЙ ЧЕМПИОН

– В комсомольском городке

Мзия Чантурия

шло строительство спортивного комплекса, – вспоминал недавно ушедший из жизни двукратный обладатель золотых олимпийских медалей, многократный чемпион мира по вольной борьбе Леван Тедиашвили, который в качестве заведующего отделом спорта и оборонно-массовой работы ЦК комсомола Грузии в те годы эту работу курировал. – Неожиданно возникли перебои с поставками стройматериалов, в особенности песка, который завозился из Рустави. Меня это изрядно напрягало. Жиули на каждом совещании заставлял меня отчитываться о ходе работ. А что я мог сделать? В том году впервые в Грузии проводился праздник города – «Тбилисоба», в столице полным ходом шли реставрационные работы. Все стройматериалы направлялись туда. И вот меня осенило. Я переоделся в милицескую форму и спустился на руставскую трассу. Как только на горизонте появилась машина с песком, я взяв махнул рукой. Машина остановилась. Я проверил путевые документы, взглянул на накладную и, хотя все там было в порядке, переадресовал груз в комсомольский городок. Сначала одну машину, потом вторую, третью... Тем временем в Тбилиси поднялся переполох: куда девается песок? Из Рустави он вроде бы отправлялся, а в Тбилиси не поступал. Через несколько дней все выяснилось, и разразился скандал. Мой вопрос должно было обсудить бюро горкома партии. На заседание был приглашен и Жиули. Обсуждение проходило бурно. Слышались голоса о том, что мы строим городок партизанскими методами. Мне грозил выговор с занесением в учетную кар-

Георгий Шхвацабая

точку. Это тогда считалось серьезным взысканием. Между тем Жиули ни одного слова в мою защиту не произнес. Наконец, я не выдержал: «Дайте же и мне высказаться, ведь даже приговоренным к смерти не отказывают в праве на последнее слово». Когда все замолчали и обратили взоры ко мне, я сказал: «Вы спрашиваете, где песок? Поезжайте к моему дому и посмотрите. Если что-либо похожее на песок там обнаружите – сажайте меня в тюрьму. Но поедете туда напрасно. Всем прекрасно известно, где этот песок использовался. Я ради общего дела старался». На мои слова члены бюро отреагировали кто улыбками, кто смехом, и на душе у меня полегчало. После заседания я подошел к Жиули и спросил, почему он не выступил в мою защиту. Жиули улыбнулся и сказал: «Разве такой великий спортсмен, как ты, нуждается в чьей-либо защите?!»

ДВА ПАМЯТНИКА

– Люди старшего поколения помнят торжественное открытие памятника воинам Советской армии в комсомольском городке Борис Дзnelадзе в конце 1970-х годов. Скульптура, символизирующая неразрывное единство фронта и тыла, обеспечившее победу над ненавистным врагом в годы Великой Отечественной войны, была установлена на холме – на самой высокой точке комсомольского городка. Ни сильный ветер, ни раскаты грома, ни пошедший проливной дождь не помешали факельному шествию молодежи, принявшей участие в открытии памятника, – вспоминает известный грузинский скульптор Гога Шхвацабая.

Некоторое время спустя здесь же, в комсомольском городке, появилась еще одна ра-

бота Шхвацабая – памятник поэту-воину Мирзе Геловани, тоже выполненный по просьбе Жиули Шартава.

К сожалению, в начале 1990-х годов – в разгар гражданской войны в Грузии – оба памятника были варварским образом отправлены на переплавку и элементарно проданы под видом... цветного металла. Уничтожили оба памятника гвардейцы самозванного генерала Тенгиза Китовани, оборудовавшие в комсомольском городке свою базу.

– Время было такое, что ни я, ни Жиули, ни кто-либо другой не были в силах, к сожалению, что-либо противопоставить этому варварству, – сокрушается сегодня Гога Шхвацабая.

А СЫНОВЬЯМ ОТКАЗАЛ...

– Мы готовились к очередному республиканскому слету пионеров в Сухуми, – делилась впечатлениями бывший секретарь ЦК комсомола Грузии по работе с учащейся молодежью Мери Циклаури. – Тогдашний руководитель абхазского комсомола Сергей Багапш очень старался, чтобы пребывание в Сухуми ребятам запомнилось надолго. Мы попросили комсомольские организации составить списки участников слета. Я очень хотела, чтобы в этот список попали и сыновья Жиули – Ираклий и Каха. По всем своим данным ребята этого заслуживали: и учились хорошо, и общественную активность проявляли, и по поведению никаких нареканий не имели. Но до этого ни в одном подобном мероприятии не участвовали. Причина понятная – должность Жиули. Подумалось: разве мальчики виноваты в том, что отец у них – первый секретарь ЦК комсомола? Так брать в Сухуми ребят или не брать? Конечно, надо брать. Но что скажет Жиули? Решила с ним переговорить. Увы, Жиули мою идею не одобрил: «Нет, Мери, не надо этого делать. Не хочу, чтобы Каха и Ираклий ехали на слет вместо других ребят, которые, возможно, заслуживают участия в слете больше, чем они». Так закончилась эта история.

АБХАЗСКИЕ ВЫДВИЖЕНЦЫ

Однажды на совещании в ЦК комсомола Жиули устроил раз-

нос сотруднику отдела рабочей и сельской молодежи, который в то время возглавлял Сергей Багапш, перебравшийся на время из Сухуми в Тбилиси. Такое на совещаниях, проводимых Жиули, случалось не раз. Его требовательность была хорошо известна. Если ошибку он еще мог простить, то леность, неисполнительность – никогда. Его критика бывала беспощадной, подчас излишне резкой, но в целом – справедливой.

Лучшей тактикой в этой ситуации было отмолчаться. И отмалчивались. Я что-то не припомню случая, чтобы кто-нибудь из «жертв» этих разносов вставал и говорил что-либо в свое оправдание. Это сумел сделать Багапш. Когда Шартава начал резко отчитывать его инструктора за какую-то провинность, Сергей встал и сказал: «Я являюсь заведующим отделом, а потому именно я несу ответственность за промах своего сотрудника. И прошу вашу критику адресовать мне». От неожиданности Жиули на мгновение утратил дар речи, потом засмеялся... Все вздохнули с облегчением – инцидент был исчерпан.

Ныне, увы, покойного руководителя Абхазии Сергея Багапш, видимо, нет нужды представлять читателю, в отличие от тогдашнего Багапш, который был выдвинутым руководителем комсомола Грузии Жиули Шартава, – точно так же, как до него таким выдвинутым был Пачик Барциц, а после него – Таркил, Ашуба, Шамба...

Пачик (Пач) Харитонович Барциц был приглашен в Тбилиси на должность второго секретаря ЦК комсомола Грузии – прежде абхаз такого поста в комсомольской организации республики никогда не занимал. Он курировал рабочую и сельскую молодежь, занимался экономическими вопросами. Ему же больше подошло бы работать с творческой интеллигенцией, вести диспуты с литераторами и деятелями искусства. Пачик был мягким, добрым человеком. Но дело в том, что он в свое время закончил сельхозинститут, и диплом агрария наложил отпечаток на всю его последующую служебную карьеру.

Впоследствии Жиули Шар-

тава стал делать ставку на других: более зубастых и клыкастых, чем интеллигентный Пачик, более приспособленных к работе в новых, все более усложнявшихся условиях. Он всегда чем-то выделялся, как-то по-особому относился к Сергею Багапш, а потом к Саиду Таркил, который появился в аппарате ЦК после возвращения Сергея на работу в Сухуми, к Нугзару Ашуба...

Когда Шартава возглавил орготдел в ЦК партии, Саид вскоре перебрался туда же – стал инспектором отдела, затем был избран председателем Гудаутского райисполкома. Разумеется, с перспективой на дальнейшее должностное повышение. Помню, я как-то обратился к Саиду с просьбой. О чем просили в ту пору тбилисцы своих абхазских приятелей? Наверное, в первую очередь, об организации летнего отдыха на море – в каком-нибудь санатории, доме отдыха или пансионате. Вот и я с моим другом и его семьей как-то воспользовались протекцией Саида. Стояла прекрасная солнечная погода. После долгой и утомительной дороги автомашиной из Тбилиси мы сидели в прибрежном ресторане в Гудаута, о чем-то беседовали, провозглашали тосты, договаривались о будущих встречах...

И вот наступило лето 1993 года. Я встретил Саида в самый разгар абхазской войны. Это было в Сочи, в гостинице «Жемчужина», где он принимал участие в подписании грузино-абхазского мирного соглашения уже в ранге... министра иностранных дел гудаутского правительства. Я же приехал туда в качестве журналиста. На лице Саида, которое даже в юношеские годы было суровым и словно высеченным из камня, лежала печать какой-то ожесточенности. После некоторых колебаний я подошел к нему и спросил: «Не скажешь ли что-нибудь для нашей газеты?». Саид натянуто улыбнулся: «Не спрашивай меня, пожалуйста. Ко мне уже подходили журналисты, и я сказал, что говорить ни о чем не хочу». Он вновь как-то натянуто улыбнулся и замолчал. Почувствовав, что молчание затягивается, я отошел.

Что касается Нугзара Ашуба, многие годы проработавшего

Праздник дружбы в Рухи

спикером местного законодательного органа, то, говорят, что этого своего выдвиженца Жиули не только опекал, но и в буквальном смысле спас чуть ли не от верной смерти. В Тбилиси Нугзар тяжело заболел, потребовалось срочное вмешательство. Жиули сделал все, чтобы предотвратить беду: привозил лучших врачей, обеспечивал больного лекарствами...

ПРАЗДНИК В РУХИ И ДРУГИЕ «ФОРМАЛЬНОСТИ»

1979 год. В Абхазии накатывалась очередная волна выступлений с требованиями о выходе автономной республики из состава Грузии, достигавшая своего пика, по странному стечению обстоятельств, каждые 10 лет. В то время я уже занимал пост редактора «Молодежки». Помню, с каким волнением следили в Тбилиси за событиями в Сухуми, в селах Гудаутского района, на гагрском стадионе... Телевизор у меня в кабинете буквально раскалялся от выплескивавшихся из него эмоций и страстей. Но вот, к счастью, ситуация несколько разрядилась – увы, лишь на какое-то время, чтобы к концу 1980-х вновь взорваться неисчислимыми бедами.

Жиули Шартава возвратился в Тбилиси после тех абхазских событий со словами: «Надо что-то делать!». Сейчас я не готов к ответу на вопрос: «А возможно ли было вообще что-либо сделать

для предотвращения разразившегося 13 лет спустя кровавого конфликта?». Скажу лишь одно: попытки избежать рокового противостояния предпринимались. И Жиули Шартава, словно предвидя свой трагический конец, делал все, чтобы предотвратить надвигающуюся грозу.

С чего начать рассказ? Начну, пожалуй, с рождения праздника дружбы грузинской и абхазской молодежи в селе Рухи Зугдидского района. Именно здесь несколько столетий назад грузины и абхазы совместно пролили кровью, как писали тогдашние газеты, скрепили свое боевое братство в сражении против турецких захватчиков. И именно в этом месте, согласно замыслу Жиули Шартава, было решено ежегодно проводить дружеские встречи грузинской и абхазской молодежи.

Помню, как мы в редакции готовились к этому празднику: переводили на русский язык историческую повесть какого-то автора, воскрешавшую в памяти сражение близ Рухи, подбирали к ней иллюстрации... Чуть ли не ежедневно звонил Жиули, интересовался: как дела? Что-то подсказывал, советовал...

В 1986 году, в ходе начавшейся в республике после отъезда Эдуарда Шеварднадзе на работу в МИД СССР в Москву «борьбы с пережитками формализма», праздник в Рухи неожиданно отменили. По этой же

причине были преданы забвению традиционные встречи грузинских и абхазских историков в Боржоме. Что ж, это у нас обычная история – отречься от того, что имеешь, ничего не предлагая взамен. Ну, кому, скажите, могли помешать ежегодные встречи молодежи или встречи историков? Ведь совершенно очевидно, что когда люди общаются, когда они смотрят в глаза друг другу и когда у них есть возможность провозгласить за партнера здравицу с чашей вина в руках, если даже предположить, что они ничем другим на этих праздниках и встречах не занимаются, вряд ли у них в ближайшее время появится желание ввязываться друг с другом в ссору.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Решение главы уже независимой Грузии Эдуарда Шеварднадзе направить в 1993 году в Абхазию Жиули Шартава в качестве предсовмина автономной республики многими в Грузии было воспринято как своевременное и дальновидное. Жиули любил и понимал Абхазию, знал этот край, можно сказать, вдоль и поперек, со многими абхазскими политиками того времени у него сложились не только хорошие деловые, но и добрые человеческие отношения.

– Приезд Жиули в осажденный Сухуми в качестве руководителя местного правительства сразу же отразился на жизни города и горожан, – вспоминает

коренной сухумец, бывший секретарь ЦК комсомола Грузии Василий Каденец. – Заработали некоторые крупные предприятия и учреждения, возобновилась подача воды, стал функционировать общественный транспорт, по графику стала подаваться электроэнергия, начал выдавать продукцию хлебозавод.

Но Жиули смотрел дальше и думал не только о возрождении экономики.

– Осенью 1993 года, уже будучи предсовмина Абхазии, Шартава предложил мою кандидатуру на пост министра культуры этой автономной республики. Я собрал чемоданы, но в день вылета Жиули позвонил и попросил повременить с отъездом. Спустя несколько дней он снова связался со мной, сказал, что в Абхазии неспокойно и лучше пока оставаться в Тбилиси. Это был последний звонок от Жиули. 27 сентября 1993 года его жестоко убили, – вспоминает скульптор Гога Шхвацабая.

ДРАМА У ЗДАНИЯ СОВМИНА

Мой однокурсник и друг, главный редактор газеты «Демократическая Абхазия» Юрий Гавва утром, 27 сентября 1993 года, шел к дому правительства в Сухуми, уже понимая, что город обречен. Грузинское население покидало свои дома. Юра был человеком гражданским, и ему, наверное, надо было последовать примеру других сухумцев, но дело в том, что зять Гаввы, Вахтанг Парцвания, состоял в охране предсовмина Жиули Шартава, и бросать родственника в столь критический момент Гавва не считал себя вправе. И он дошел до здания Совмина.

В Грузии, наверное, нет человека, который хотя бы однажды не посмотрел видеокadres, запечатлевшие последние мгновения жизни Жиули Шартава и других защитников сухумского дома правительства 27 сентября 1993 года. Вот он – пылающий в огне Сухуми. А вот – Жиули Шартава и другие пленники, взятые в кольцо победителями. Юра Гавва стоит в этой группе крайним. Как он вспомнит впоследствии, зять Вахтанг из охраны несколько раз махнул ему рукой: подходи, дескать, к нам поближе. Вахтанг стоял рядом с

Жиули, и ему, видимо, казалось, что рядом с шефом надежнее и безопаснее. Какое заблуждение! Пройдет всего несколько минут, и он в этом убедится лично, когда пронзенный длинной автоматной очередью будет падать на мостовую, провожая угасающим взглядом летящий с неба одинокий осенний лист. Несколько месяцев спустя его жена Нана случайно обнаружит фотографию уже бездыханного тела Вахтанга на обложке какого-то зарубежного иллюстрированного журнала. Тогда и узнала она о гибели мужа.

ГИБЕЛЬ КОМАНДИРА

...Я вновь и вновь всматриваюсь в эти драматические кадры, и мне хочется вмешаться, остановить события, написать другой сюжет этой печальной повести.

Представьте себе: война или, иначе, междоусобный конфликт. Осажденный город, разрушенные дома, слезы, кровь... При этом среди тех, кто возглавляет противоборствующие стороны, – люди, близко знающие друг друга. Жизнь развела их по разные стороны баррикад, но возникшие еще в юности дружеские чувства живы.

Город вот-вот должен пасть. Оборонять его осталась горстка людей во главе с командиром. Когда стало ясно, что ни командир, ни его приближенные не сдадутся, у людей из противоположного лагеря возник дерзкий план: спасти обреченных. Изменой тут и не пахло, все было просто и понятно: в ходе решающего штурма, когда кровь застилает глаза и в сердцах нет места жалости и состраданию, избежать худшего...

Не буду излагать подробности. Скажу только, что перед самой атакой командир и его сподвижники были спасены.

Красиво, не так ли?! Есть, значит, в нашей жизни вещи важнее, чем гордыня, вражда и ссора...

В этой истории, дорогие читатели, все правда, кроме одного: на помощь осажденным никто не пришел. И в реальности ликующие победители вели пленников через центр пылающего города подальше от людских глаз – на расправу. Ее подробности неизвестны: в Тбилиси из

Юрий Гавва

Сухуми доставили лишь изувеченное тело одного человека – командира, Жиули Шартава. А где остальные?

До сих пор тщетно пытается выяснять что-либо о судьбе мужа и отца семья Джумбера Беташвили. Известно лишь, что когда Джумбера – одного из защитников города – вели со связанными руками, какая-то женщина подбежала к нему и вложила в распухшие от побоев губы дольку мандарина. «Его не могли убить. Даже под бомбами он помогал всем без различия, вызволял стариков, женщин и детей, он жил надеждой на примирение и вселял ее в других», – не уставала повторять жена Джумбера Нелли.

– Да ни один сухумчанин не поднял бы руку на Джумбера! – вот ответ с другой стороны.

Но что произошло? Тьма тьмушкая...

НА ПУТИ В ГУДАУТА

Юрия Гавва везли из горящего Сухуми в Гудаута вначале на небольшом автобусе, потом, отделив от остальных пленников, пересадили в «Ниву». В машине, кроме водителя-абхаза, находились еще два боевика, тоже абхазы. Одному из них лет 10 назад тогдашний заведом административных органов обкома партии Юрий Владимирович Гавва помог устроиться на работу. Он изучающе смотрел на Гавву, несколько раз попытался всучить ему пистолет, сопровождая каждую свою попытку словами: «Юрий Владимирович, а я на вашем месте пустил бы себе пулю в лоб». Самое любопытное, что обращался он к Гавве на «вы» и по имени-отчеству. Другой боевик, наконец, не выдержал: «Да успокойся ты, наконец, мы же его в Гудаута везем...».

Юрий Владимирович Гавва будет освобожден из гудаутской тюрьмы три месяца спустя.

«ПРОСТИ, ДРУГ...»

Борт самолета «ЯК-40» в аэропорту Адлера. Сюда только что доставили из Абхазии изувеченное тело командира – Жиули Шартава. Через несколько минут самолет возьмет курс на Тбилиси.

«Я был единственным из друзей Жиули, которому разрешили

День падения Сухуми

вылететь с группой наших представителей в Адлер за телом убитого предсовмина Абхазии, – рассказывал мне однокурсник Жиули Рамаз Абашидзе, увы, тоже ушедший из жизни. – Тело Жиули покоилось на возвышении в центре самолета. В салоне, кроме меня, никого не было, да и я сам, не помню уже почему, находился за шторами, так что меня не было видно. Вдруг в самолет вошел Сергей Шойгу, возглавлявший в тот период российскую миротворческую миссию в зоне конфликта. Он подошел к телу Жиули, низко поклонился ему и сказал: «Прости, друг, что мы тебя не уберegli». Уверен, Шойгу даже не подозревал, что за ним кто-то наблюдает».

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Из окна моей квартиры, что расположена на первом этаже дома №45 на улице Жиули Шартава, я наблюдаю, как молодые парни из нашего двора расставляют на спортивной площадке столы и стулья, раскладывают столовые приборы, приносят из дома, как это всегда было принято в Тбилиси, кто на что горазд: вино, сыр, хлеб, другие закуски...

Открою секрет: по уже сложившейся традиции, мои молодые соседи готовятся отме-

тить день рождения человека, именем которого названа наша улица. Эта традиция возникла не вчера и не сегодня, и меня радует, что она жива по сей день.

Я наблюдаю за этими приготовлениями и вспоминаю о том, что и сам тоже в некотором роде имею отношение к отмечаемому событию. В 1993 году, вскоре после убийства Жиули, под председательством тогдашнего госминистра Грузии Нико Лекишвили была сформирована правительственная комиссия по увековечиванию памяти погибшего. Я был в ее составе. Так вот, в комиссии долго ломали голову над тем, какая из тбилисских улиц могла бы именоваться именем Национального героя Грузии. Предложений было много. И одно из них, мое – назвать именем Жиули Анагскую улицу, на которой я живу, – было принято.

Я вижу из окна, как молодые люди рассаживаются за столами, как они наполняют бокалы, а потом все вместе встают и застывают в торжественном молчании. Я не слышу слов тамады, но точно знаю: это тост за Жиули, за его немеркнущий подвиг и за таких же, как он, мужественных и сильных людей, которых помнит родная земля...

Кетеван Соколова-Курдиани

ОНА БЫЛА ПЕРВОЙ

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

Студентка горнотехнического факультета института Кетеван скромно стояла у Чиатурской шахты. Ей нужно было проходить практику, а шахтеры девушку не пропускали. Говорили, что по преданию, если женщина войдет в шахту, случится беда. Рядом стоял почтенный и уважаемый горный инженер. Он сказал: «Я сопровожу девушку в шахту. Я старый. И так уйду со дня на день. И если со мной что-нибудь случится, ну и черт с ним». А Кетеван не верила в суеверия и ничего не боялась. В тот день стары́й горный инженер и юная студентка благополучно вышли из шахты. А Кетеван вскоре стала первой женщиной-архитектором в Грузии.

В 1922 году, сразу после открытия архитектурного факультета в Тбилисском политехническом университете, Кетеван решила посвятить себя этой сфере. Ее творческий путь начался еще в студенческие годы — первым проектом Кетеван стала ви́лла, построенная по заказу Акционерного строительного общества «Алтебауаг» для иранского аристократа. В 1929

году архитектурный факультет окончили два студента. Одной была Кетеван Соколова. Вторым выпускником стал Арчил Курдиани, ее будущий муж.

Отец Арчила, Гуго (Григол) Курдиани, был известным архитектором и инженером. Он спроектировал улицу Леселидзе, спуск Элбакидзе и др. Гуго Курдиани внес большой вклад в проектирование и строитель-

ство Тбилисского государственного университета. Сам Арчил Курдиани был первым главным архитектором Тбилиси. Служба охраны памятников в стране была основана именно им.

Что касается Кетеван, то надо отметить, что в начале XX века грузинская архитектура была преимущественно мужской, но и в таких условиях Соколова-Курдиани смогла создать сооружения по всей Грузии.

С момента основания Союза архитекторов Грузии Кетеван становится почетным членом этой организации и одновременно активно проектирует здания самых разных типов. Среди известных проектов Кетеван — первая чайная фабрика в Чакви и план районной планировки Колхидской низменности.

Отчетливое традиционное грузинское видение Кетеван прослеживается в многочисленных орнаментах и декоративных штрихах ее зданий. Кроме того, в ее работах можно угадать легкое влияние советского модернизма, характерного для того периода.

Кетеван Соколова-Курдиани работала в «Саксахпроекте» и других проектных институтах, где прошла путь от рядового архитектора до руководителя мастерской. В 1947 году вместе

Кетеван с родителями

с мужем она спроектировала гостиницу «Интурист» в Гори и участвовала в создании грузинского павильона в Москве. В числе других архитектурных проектов Кетеван – административные здания, жилые дома на проспекте Ильи Чавчавадзе, на бывшей улице Вахушти (ныне ул. Багратиони, дом 65), дом для ученых на улице Константина Гамсахурдия (1955; совместно с И. Чхенкели). К слову, последний в этом перечне дом, расположенный на пересечении улиц Долидзе и Гамсахурдия, был построен еще по приказу Сталина. Приказ предписывал строительство жилых домов для ученых, академиков и рабочих во всех столицах республики. Но в итоге такие дома были построены только в Баку и Тбилиси.

Кетеван внимательно следила за этим проектом и строительством дома. Однажды она заметила, что несколько подоконников на верхнем этаже расположены в ряду неровно. Она попросила строителей исправить дефект к вечеру. Вечером пришла, а строители, оказалось, просто проигнорировали замечание хрупкой зеленоглазой молодой женщины.

«Поднимите мне на верхний этаж самый большой камень», – сказала Кетеван рабочим. И сама разрушила все неправильно установленные подоконники на этаже. Изумленные строители позвонили секретарю ЦК. Пожаловались, мол, тут нам архитектор все разрушил, и мы не успеем закончить дом в срок. «Дайте мне поговорить с ней», – сказал секретарь ЦК. Кетеван передала трубку. «С кем я говорю?» – спросила она. – «С секретарем ЦК», – сурово ответили в трубке. – «А здесь я секретарь ЦК», – твердо сказала Кетеван, и разговор закончился. Она обернулась к рабочим: «Исправьте все вовремя, иначе никакой секретарь ЦК вам не поможет».

Кетеван Соколова-Курдиани получила большую квартиру в этом доме. Ее очень близкой подругой была известная грузинская портретистка Кетеван Магалашвили. Художница жила в неудобной мансарде, у нее страшно болели ноги, и она с трудом туда поднималась. И

Кетеван отдала свою квартиру Магалашвили.

Сама Кетеван Соколова росла в известной семье: ее мать, художница Мариам Поракишвили, была ученицей знаменитого грузинского художника немецкого происхождения Оскара Шмерлинга. Отец, Николай Соколов, – военным юристом, посланным из царской России.

Частым гостем в их доме был выдающийся грузинский публицист, просветитель и общественный деятель Нико Николадзе (к слову, прадед Саломе Зурабишвили, пятого президента Грузии). Он любил играть в шахматы с Кетеван и ее отцом. Юная Кетеван отличалась поразительными математическими способностями: могла мгновенно в уме умножать и делить трехзначные числа.

Кстати, о Нико Николадзе и Кетеван в свое время ходил анекдот. Говорили, что Николадзе, в то время только что приехавший из Европы, иногда приходил в университет, где читал лекции, в шортах. Что, по меркам тех лет, студентам не нравилось. И они попросили Кетеван, зная, что Нико вхож в их дом, как-то намекнуть ему на это. Кетеван особо не хотелось прямо говорить о таком предмете, поэтому она придумала следующий ход: попросила Николадзе сыграть с ней партию в шахматы – «на желание». Кетеван победила и скромно попросила Николадзе не ходить в университет в шортах. Нико, прекрасно знавший натуру и современные взгляды девочки, тут же понял, что желание это не ее, а идет извне. Но носить шорты все же перестал.

В детстве маленькая Кетеван много переезжала с места на место из-за ссылок отца. Им было запрещено жить в Грузии, а также в крупных городах. В разное время им приходилось останавливаться в маленьких деревнях Армении и Азербайджана, а также на границах Ирана и Турции. Именно в эти трудные годы Кетеван выучила армянский и азербайджанский языки.

Дом на улице Барнова №44, построенный отцом Арчила Курдиани, Гуго Курдиани, где Кетеван прожила с семьей всю свою

С супругом Арчилем Курдиани. 1948

С сыном Георгием

жизнь, сохранился до наших дней по тому же адресу. Кабинет, где Кетеван работала над проектами вместе с супругом, не менялся с начала века. На доме установлена мемориальная доска. В этом доме вот уже 125 лет в одной мастерской работали и продолжают работать архитекторы шести поколений архитекторов одной семьи. Да, вы не ослышались: все шесть поколений семьи Курдиани – архитекторы. Сын Арчила, Георгий Курдиани, имеет степень магистра архитектуры, дизайна и теоретической архитектуры Княжества Лихтенштейн. В 2006 году отцу и сыну Георгию и Арчилу Курдиани было присвоено звание «Лучшие архитекторы года». Среди архитектурных проектов сына Кетеван и Арчила, Георгия Курдиани, примечательна реконструкция стадиона «Динамо», торжественно завершенная в 1976 году. Следующий потомок – сын Георгия

«Дом академиков» на углу улиц Виктора Долидзе и Пекина

Жилой дом на проспекте Ильи Чавчавадзе, 11

Гостиница «Интурист» в Гори

Курдиани, тоже Арчил Курдиани, также работал архитектором над несколькими проектами со своими дедом и отцом. Таким образом, совместная творческая жизнь членов семьи охватывает 125 лет и простирается на три столетия: XIX, XX и XXI.

Славная семья до сих пор хранит чертежи, переписку, негативы, документы, книги, старые фотографии – все, что дошло из прошлого, хотя большая часть архива Курдиани сгорела во время пожара в доме в 90-х годах. Но дом стоит и простоит, наверное, еще сто лет.

«Дом на Барнова – священное место для нас, – говорит внук Кетеван Соколовой-Курдиани, Арчил. – У каждого здесь была интересная жизнь. Интересная жизнь – это и трудные, и хорошие дни. Этот дом каким-то образом защищал нас всех, и мы всегда здесь побеждали, это место обладает для меня такой силой.

Мои бабушка и дедушка никогда не коллекционировали золото и бриллианты, у них никогда не было страсти к накоплению богатств. Они собирали книги и зарубежные журналы. В то время такие издания считались большой роскошью. Кетеван и Арчилу разрешалось выписывать профессиональные журналы. В нашей библиотеке полно немецких, итальянских и французских архитектурных изданий, которые мы выписывали в советское время».

При этом, вспоминая Кетеван, Арчил-младший говорит, что его бабушка работала бы над гораздо большим количеством проектов, если бы не трагедия: ей было за 50, когда умер ее 12-летний сын, и после такой утраты она так и не пришла в свою обычную рабочую форму...

Первая грузинская женщина-архитектор, заслуженный деятель искусств Грузии Кетеван Соколова-Курдиани скончалась 26 августа 1988 года в возрасте 83 лет. Она внесла неоценимый вклад в развитие грузинской архитектуры и оставила свой яркий след в истории страны.

ИЛЬЯ ВЕКУА

■ Омар ШУДРА

Это было в середине 1970-х. Илью Векуа навели в московской больнице знакомые академики. День операции на гортани был уже назначен. Но Илья был рад визитерам, весело шутил и смеялся вместе с коллегами. Известный академик, директор Института физики АН ГССР, удивлялся: «Завтра человеку горло должны резать, а он...» Удивлен был и лечащий врач: «Не встречал еще больного, который до такой степени не интересовался бы состоянием своего здоровья...»

Человек редкой силы воли, Илья Векуа на второй день после операции потребовал ручку, бумагу и приступил к работе. Он писал монографию о теории оболочек, которая потом полу-

чила Государственную премию СССР.

Последние годы он разговаривал с трудом – шептал. А потом и вовсе замолчал, писал на грифельной доске. Под самый конец он уже не выходил из дома. Но в минуты облегчения принимал посетителей. Медперсонал, который старался облегчить больному тяжелейшие приступы, восхищался героической стойкостью своего пациента.

Илья Векуа родился в 1907 году в селе Шешелети Гальского района. По окончании средней школы в Зугдиди поступил на физико-математический факультет Тбилисского государственного университета, хотя мечтал стать историком.

С 1930 г. И. Векуа – аспирант

Ленинградского университета.

Любимый ученик Н.И. Мухелишвили, в 1937 г. он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1939 г. – докторскую. Через год стал профессором и деканом физико-математического факультета ТГУ. С 1944 г. Векуа – член-корреспондент АН ГССР, с 1947 г. – академик.

В 1951 г. директор Центрального аэрогидродинамического института им. Н.Е. Жуковского Сергей Христианович пригласил Векуа на работу в ЦАГИ. Затем, до 1959 г. Илья Несторович работал в Институте точной механики и вычислительной техники АН СССР, в МИАН (где стал преемником М.В. Келдыша), в МГУ и МФТИ.

В 1958 г., учитывая выдающиеся достижения Векуа, его избрали действительным членом АН СССР. Он принимал активное участие в организации Новосибирского государственного университета и стал его первым ректором.

Уже всемирно известный ученый, в 1964 г. Илья Векуа вернулся в Тбилиси, стал вице-президентом АН Грузинской ССР, а с 1966 г. – ректором Тбилисского государственного университета, где создал Институт прикладной математики. В 1972 г., после смерти своего учителя Н.И. Мухелишвили, был избран президентом АН Грузии и работал на этом посту до конца жизни.

Илья Векуа был одним из ведущих представителей тбилисской математической школы, он сочетал в своем творчестве интенсивные исследования в классических областях математики – теории дифференциальных уравнений, теории интегральных уравнений и теории функций, с такими же интенсивными исследованиями по практическому использованию получаемых результатов для решения актуальных задач механики.

И.Н. Векуа – Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии и Государственной премии СССР.

Скончался в 1977 г. Похоронен в Пантеоне Мтацминда.

В 1978 г. Академия наук Грузии учредила премию имени И.Н. Векуа.

«ВСЕ МОИ РОЛИ – ЭТО Я!»

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

«Сухановище!» – восхищенно произнесла знакомая в ответ на мое сообщение о том, что я готовлюсь к интервью со знаменитым актером. Да, именно такое отношение вызывает личность, каждая новая роль Максима Суханова. Не исключение – две его новые работы из спектаклей, показанных в Тбилиси. Обе – обжигают! Сначала театралы увидели «Записки сумасшедших» Дмитрия Крымова – откровенное сценическое высказывание о том, что убивает и спасает в холодной реальности бытия. Мощная и одновременно тонкая, филигранная игра Суханова поразила. Через какой-то промежуток времени тбилисские зрители посмотрели спектакль «Кремулятор» по роману Саши Филиппенко режиссера Максима Диденко, в котором артист грандиозно сыграл «огненного Харона» – так назвал его персонаж автор лондонской рецензии. Сценическое пространство (художник Александр Барменков) – квинтэссенция реальности, в которой существует герой Суханова, директор московского крематория Петр Нестеренко. Экран, на который крупным планом проецируется происходящее на сцене; красно-черные плоскости слева и справа, гробы – зловещий, хоть и условный, знак смерти; насыщенный пластический рисунок и активное взаимодействие актеров с пространством; эффектный саунд-дизайн с тревожным или «потусторонним» звучанием; напряженная пульсация монологов и диалогов, за которыми – документальные свидетельства о мрачном периоде истории; образ *la femme fatale* (Светлана Мамрешева), который создается, не в последнюю очередь, через вокал (автор музыки к необычным, авангардным композициям – Сергей Невский) – все это обогащает спектакль. Но его «первая скрипка», конечно, Максим Суханов: актер создает глубоко трагический образ человека с могучим духом, погибшего в чудовищных жерновах истории.

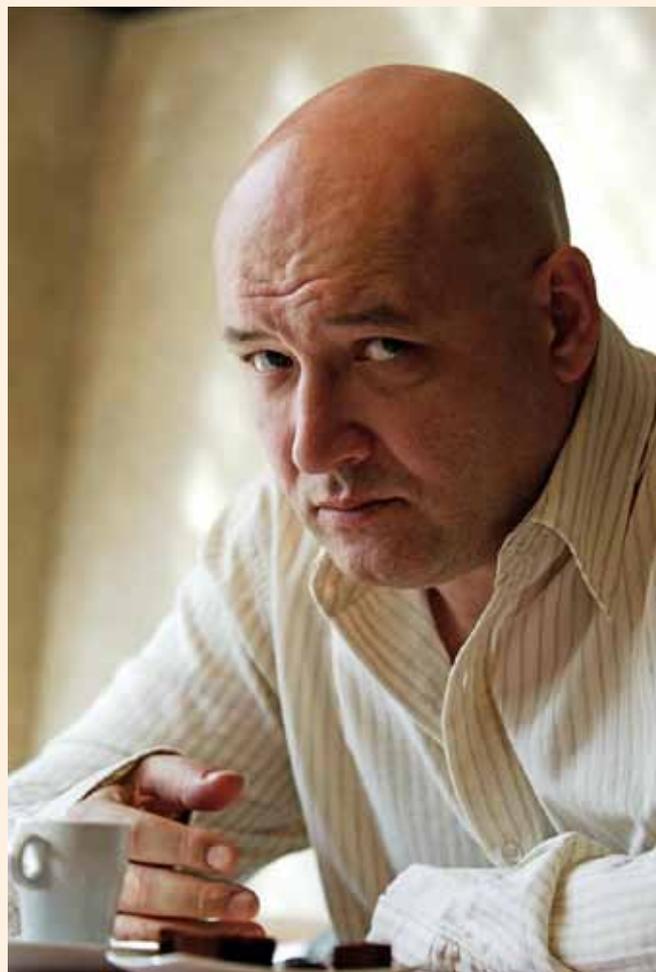
– Чем вас привлекла история Петра Нестеренко?

– Потрясают факты из жизни моего героя! Они же автобиографические. Жизнь, которую прожил бывший белый офицер Нестеренко, будучи в пограничной ситуации, – уникальный материал для воплощения на сцене или в кино. Столько парадоксов, перевертышей, сомнений, поступков, недопоступков внутри одной судьбы! История не может не привлечь своей насыщенностью.

– Сложная форма спектакля возникла сразу?

– Форма никогда сразу не рождается, мы вместе фантазировали. Но, прежде всего, конечно, режиссер фантазировал, вместе с художником. Исходя из каких-то этюдов, начинал плестись спектакль.

– По названию картины Константина Лопушанского, в которой вы снялись: «Сквозь черное стекло». Это неизбежно, на ваш взгляд: если Россия, то обязательно взгляд на историю «сквозь черное стекло», обязательно неприкаянность, трагедия героев? Как мы видим это в спектаклях «Записки сумасшедших» и «Кремулятор»?

Максим Суханов

– Важно то, что волнует людей. Тема «Кремулятора» – вечная. Потому что связана с жуткими репрессиями, проходившими по всей стране, в том числе в многострадальной Грузии. Осознания того, что было сделано неправильно, преступно, до сих пор не произошло. Наш спектакль про страшные 30-е годы своими колоколами звонит о том, что о совершенных преступлениях ни в коем случае нельзя забыть, необходимо все переосмыслить, пройти через покаяние. Чтобы каждый живущий на территории бывших советских республик это ощутил. Чтобы никто не мог отвернуться, махнуть рукой на кошмарные события прошлого. И осознание того, какие преступления совершались на территории нашей страны, должно быть не увлечением, не хобби, а общегосударственным делом, как мне кажется. Это не может не волновать зрителей. Хотя кого-то может и не волновать, наверное, что очень плохо. Что касается спектакля Дмитрия Крымова, то нами в эту работу много вложено. Мне сложно его разбирать, я нахожусь внутри. Мне кажется, суть спектакля понятна. А его стилистика – современная поэтическая форма высказывания про одиночество, выкинутость людей из того простран-

ства, в котором они родились, привыкли что-то делать, находиться, жить.

– *Несмотря на то, что ваш Нестеренко совсем не похож на героя «Записок сумасшедших», какая-то внутренняя связь между героями ощущается.*

– Потому что это же играю я. Не роли делают меня – я делаю свои роли. А вы их видите сейчас, в то время, в тех предлагаемых обстоятельствах, которые окружают и вас, и меня. Это то общее, без чего нельзя разбирать спектакли. Конечно, если бы сейчас была сочинена какая-то сказка, то, наверное, она получилась бы страшная, и мы могли бы присоединить ее к этим постановкам.

– *Страшная сказка?*

– Я как пример говорю. Если бы я играл в какой-то страшной сказке, то мы бы еще один спектакль присоединили к этим темам, настроениям.

– *Эта атмосфера витает?*

– Уверен, что да. Театр – искусство вторичное. Это зеркало.

– *Мне кажется, об эпохе репрессий снимается много фильмов, ставится много спектаклей.*

– Нет, недостаточно, я считаю. Очень мало! Количество людей, с которыми я общаюсь на эти темы, меня потрясает. Многие не знают, что происходило. Число людей, пребывающих в неведении, катастрофическое. Когда в начале 90-х годов в журналах печатались запрещенные романы, повести, документы, было ощущение, что их читают все. А теперь я понимаю, с этими произведениями познакомились один-два процента читателей. Всем остальным это было неинтересно. Не так, наверное, должно было быть подано.

– *Молодежи это, видимо, не интересно.*

– Не только молодым, поверьте. Так что, когда говорят, что о той эпохе ставится много спектаклей и снимается много фильмов, – я не согласен. Об этом мало говорят.

– *Недавно узнала, что, к примеру, в Великих Луках стоит памятник Сталину.*

– Международному аэропорту Волгограда недавно было возвращено название «Сталинград». Так что...

– *Как вы относитесь к Нестерен-*

ко?

– Сложно разбирать своего героя, ведь я его играю. Когда я занимаюсь каким-нибудь персонажем, то не могу в него не влюбиться. Иначе это будет никому не интересно. Все, что я вкладываю в своего героя, каким образом показываю его на протяжении спектакля, – это разные, часто полярные проявления. Поэтому лучше описывать мою работу людям, которые ее считают, а не мне. Я все уже сказал.

– *То, что вы любите своего необычного героя, мы ощущаем. И тоже по-своему любим Нестеренко – он вызывает если не нежные чувства, то сострадание. Ваша личность, наверное, согревает персонаж.*

– Это, скорее, должен говорить человек, который видел спектакль.

– *Вас называют актером Владимира Мирзоева. Когда вы осознали в нем своего режиссера и чем его режиссура оказалась вам близка?*

– Для меня большое счастье, что я повстречался с этим человеком, с которым смог выпустить такое количество спектаклей, фильмов. Каждую работу мне с ним делать было архиинтересно. Я испытал огромное удовольствие по многим причинам. Прежде всего потому, что он из тех режиссеров, которые сочиняют свой собственный мир на сцене на основе драматургии. Они расширяют, углубляют материал, за который берутся. Владимир – человек энциклопедических знаний, который интересно ставит любые творческие задачи. Такой всеобъемлющий образ притягивает меня. Мы с ним репетировали, всегда понимая друг друга с полуслова, с полуслова. Я надеюсь, с Мирзоевым у нас еще будут новые работы.

– *Когда вы получаете удовольствие от творческого процесса и когда это состояние не наступает в процессе репетиций? Какая степень доверия и дружбы между актером и режиссером необходима, чтобы сложились плодотворные отношения?*

– Должно многое совпасть, чтобы что-то родилось. Я считаю, что прозрачность отношений должна быть полная, стопро-

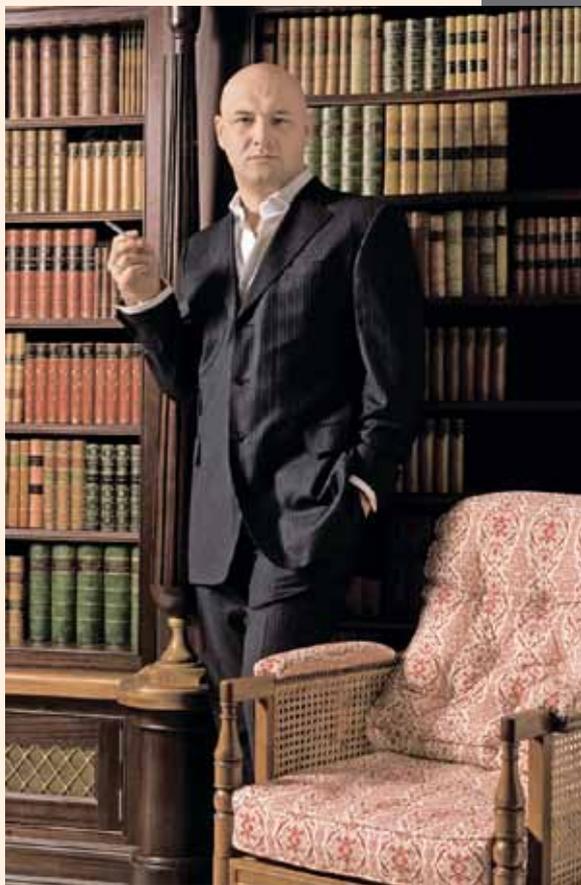
центная. Есть талантливые режиссеры, которые химически не совпадают с твоим существом, твоей энергией, и тогда не получается никакого процесса. Иногда, в редких случаях, что-то возникает вопреки несовпадениям. Но это, скорее, исключения. Если я не получаю удовольствия от процесса, такое у меня бывало, я, как правило, прощаюсь с проектом и режиссером, аргументированно объясняя, что все происходящее просто не мое.

– *Вы можете уйти из проекта в самый разгар репетиций?*

– Случалось, я уходил после десяти-пятнадцати репетиций. Хотя уже с первой чувствовал: происходит нечто негармоничное и ждать интересного результата не стоит. Но я давал шанс и себе, и своей компании, допуская, что, может быть, не прав. Так или иначе, актер не может быть человеком не сомневающимся. И всегда должна быть надежда куда-то прорваться.

– *Получается, вы все-таки трудный актер?*

– Нет, я честный актер, а не трудный. Я же никого не виню в том, что происходит. Виню

прежде всего самого себя, что не могу работать с этой компанией, с этим режиссером в том направлении, которое он предлагает. Вот и все. А кто-то с ним выпускает спектакли и очень доволен. Это я не могу.

– *Даже если это интересный материал, о котором вы мечтали?*

– Да, бывало и такое.

– *Можете конкретизировать?*

– Не хочу никого обижать.

– *Но ведь когда уходите из проекта, все равно кого-то обижаете.*

– Нет, почему? Естественно, я это делаю не перед премьерой. Если бы я что-то говорил за глаза, это одно. Но я же прямо объясняю свою позицию. Чаше всего это происходит с режиссерами, с которыми я никогда раньше не работал. Правда, однажды такое было с человеком, с которым я сделал уже два спектакля – «Зойкина квартира» М. Булгакова и «Французские песни», с Гариком Черняховским. Он предложил мне третью работу – «Принцесса Турандот». Но придуманная им концепция была для меня совершенно неосновательна – не попадала ни в мое сердце, ни в мое сознание. Так что мне пришлось отказаться уже на этапе читки. Такая же ситуация возникла у меня с Аркадием Фридриховичем Кацем. И это никого не обидело, было вполне естественно, потому что я сказал правду.

– *Видела вашу работу в спектакле Римаса Туминаса «Ветер*

шумит в тополях» Жеральда Сиблейраса. Туминас – ваш режиссер? Вам с ним было комфортно, интересно в работе?

– Туминас – большой фантазер. Весь процесс репетиций спектакля «Ветер шумит в тополях» длился полгода. Бывали разные моменты, ситуации, сомнения, происходила смена актеров. Период у Римаса тоже был непростой – он сомневался и в самом материале. У художника бывает разная готовность, когда он репетирует. Работали мы довольно ухабисто. Несомненно, Туминас – талантливый человек, свободолюбивый, по своему трагическая фигура. Я с ним выпустил только одну работу. Мы должны были встретиться в другом проекте, но Римас по каким-то мне неведомым причинам отказался от него. Хотя предложение исходило от него самого. Он меня пригласил и в спектакль «Война и мир» на роль старого князя Болконского. Но я вообще не увидел для себя интереса в этой работе, не смог влюбиться в роль.

– *О Дмитрие Крымове и его «Записках сумасшедших».* Это ваша первая встреча с режиссером?

– Да.

– *Судя по результату – химия возникла?*

– Да. Я считаю, здесь все совпало и произошло. Не знаю, произошло бы, если бы мы делали спектакль в Москве, на каком-то спокойном фоне. Наверное, мы вообще вряд ли ста-

вили бы такой спектакль, если бы оставались жить в России. Наша гармония состоялась с учетом тех предлагаемых обстоятельств, которые мы все переживаем.

– *Ощущаете близость к вашему персонажу?*

– А иначе как я могу играть?

Если у меня нет близости к персонажу, которого делаю, я не могу это играть. Все мои роли – это я. Речь ведь идет не о геометрических формулах, лежащих у меня в мозгу.

– *Психологический театр и театр представления. В вашей работе трудно отделить одно от другого. Для вас водораздел между этими двумя понятиями существует?*

– Такой водораздел я никогда не провожу и не проводил. Более того, я всегда считал, что определение, связанное со школой, во многом вредит театральным вузам, которые опираются на какую-то систему. Прежде всего нужно опираться на талантливого педагога, который не реализуется за счет своих студентов, а находит ключ к каждому из них. Пытается помочь студенту раскрыться, показать ему его самого в тот момент, когда он учится, чтобы подготовить для дальнейшей работы в театре или в кино. То есть это прежде всего процесс, связанный со школой этого одного педагога, как он ее понимает. Театр же вообще давно стремится быть синтетическим и совмещать разные направления. Без психологии, тонких нюансов в театре неинтересно. Без пластики, без площадного юмора в нем тоже нечего делать.

– *Одни режиссеры хотят, чтобы актер думал, другие, как Роберт Уилсон, например, утверждают, что актер не должен много размышлять. Обе стороны убедительно доказывают свою правоту.*

– Когда я репетировал какие-то спектакли, то видел, что режиссеру, как правило, необходимо мое участие – мои мысли, мой анализ, мои дополнения к его фантазии. Не могу не думать, когда работаю. Опять же не хочу быть категоричным. Может быть, то, что какой-то режиссер будет предлагать актерам,

«Ветер шумит в тополях»

«Записки сумасшедших»

будет дико интересно. И тогда нужно это попробовать, как эксперимент, – понять, почувствовать, что это такое. Тем более, если у этого режиссера шлейф интересных работ и о нем многие говорят как о некоем исключительном художественном явлении. В любом творческом процессе всегда есть эксперимент. Никакие вещи пригвоздить гвоздями к стенке, мне кажется, не надо. Кроме дисциплины, на которую все опирается. Во всем остальном ты можешь экспериментировать, в том числе – с собой. Допустим, надоело актеру размышлять по поводу тех работ, которые он делает, и он пускается в свободное плавание с режиссером, который просит его ни о чем не думать. Так тоже может быть.

– К примеру, системе Дмитрия Крымова актеру нужно как бы подчиняться, верно?

– Наоборот – нужно полюбить и развивать эту структуру.

– Хотели бы с ним снова встретиться в работе?

– Все зависит от предложения – насколько я в том виде, в каком есть сегодня, буду в дальнейшем интересен Крымову. Как правило, Дмитрий хорошо говорит и всегда объяснит, что ему необходимо.

– Поговорим о современном синтетическом театре. Необходимость активно сосуществовать с видеопроекциями на сцене, как это происходит в «Кремляторе», не мешает вну-

тренней свободе актера?

– Наоборот, очень интересно, когда ты из одного пространства ныряешь в другое. Разное существование – на сцене и в кино, создается некий симбиоз, и возникает очень правильный эмоциональный эффект для восприятия. Я же свободен прежде всего внутри себя.

– Разве развитие технологий в какой-то степени не умаляет роль актера?

– Когда это талантливо – нет. Мы же репетировали, создавалось определенное количество кадров, планов. Исходя из репетиций и сцен, их могло быть больше или меньше, но это все рождалось и решалось здесь, не было запланировано. В этом тоже большая прелесть процесса работы с режиссером Максимом Диденко.

– Грузинский режиссер Михаил Туманишвили утверждал приоритет актера в театре.

– При всей значимости актера он не может существовать без стороннего взгляда талантливого режиссера. Другое дело, что режиссер может раствориться в этом актере, в спектакле, произведении, но он человек, который придумывает тот мир, в котором мы, актеры, потом будем удивлять, поражать... Или быть скучными для зрителя.

– А разве хороший актер может быть скучен для зрителя?

– Может! И хороший актер может быть скучен. Режиссер, я считаю, это точка отсчета. У

меня всегда была установка – не мечтать ни о каких ролях до тех пор, пока мне не предложит какую-то роль режиссер. Только он может увидеть, что вот сейчас, в такое-то время, этот актер в его спектакле правильно сделает этот образ. И он может это объяснить. А актер может понять и почувствовать. Все зависит от того, чем живет в это время режиссер – какими фантазиями, идеями, переживаниями, и чем живет актер – какими комплексами, страхами, потрясениями. Сам артист, без режиссера, не может выбирать роль. Это вредно.

– Вы несколько раз играли Сталина. Грузинский актер Гоги Кавтарадзе, сыгравший вождя всех времен и народов в кино, считал: для того, чтобы сделать образ Сталина – с его внутренней силой, умом, властью, жестокостью, юмором своеобразным, нужен талант Шекспира. Кто бы ни играл Сталина – остается ощущение недосказанности.

– Для меня это фигура прежде всего масштаба тиранического, преступного. Но когда мы его играем, то не можем не проникнуться его одиночеством – иначе это стереотипно. Поэтому, когда мы с Андреем Эшпаем делали его в «Детях Арбата», то стремились насколько возможно одомашнить Сталина, показать в ситуациях, в которых его, возможно, никто не представлял. В утилитарной, бытовой ситуации. Поэтому помещали его в пространство, в которых он был для многих неожиданным. На протяжении всей картины Сталин у нас появляется с замотанным платком на шее – все время болеет. И еще он постоянно ест – не может никак насытиться.

– Был у вас еще один удивительный исторический персонаж – Борис Годунов.

– Это Пушкин! Там вибрация, эмоция рождаются из самих стихов, из того, как ее преподнес Александр Сергеевич. Какие-то вещи очень сложно вербализовать.

– Где вам комфортнее – в кино или театре?

– Две совершенно разные вещи. Сравнить невозможно.

но — отличается сам процесс. Энергия на сцене и на съемочной площадке распределяется совершенно по-разному. Мне комфортно и там, и там. Поэтому приоритетов не хочу расставлять. Мне было интересно сниматься в кино прежде всего у того же Мирзоева, с которым мы сделали немало. Доставила удовольствие работа с Андреем Эшпаем. В дебюте Ренаты Литвиновой «Богиня» у нас тоже собралась неплохая компания. Все было в нашей истории довольно нежно и по-человечески. Конечно, отмечу две работы, которые мы сделали с Константином Лопушанским. Они оставили самые приятные воспоминания. Я бы с большим удовольствием с ним еще поработал. Как и с Валерой Тодоровским, у которого я снялся в фильмах «Гипноз» и «Страна глухих».

— Часто ли вам приходилось разочаровываться в людях?

— Были, конечно, разочарования. Но у меня установка: не помнить об этом, как можно быстрее забывать.

— А если человек дорог?

— Значит, этот процесс займет гораздо больше времени, чем если бы это касалось человека, который не дорог.

— Но в конце концов страница перелистывается.

— Думаю, да. Не уверен, что людей можно переделать — с теми качествами, которые у них есть в сердце, с теми поступками, которые они могут или ни в коем

случае не могут совершить. Это в человеке навсегда. Твои ожидания от людей могут быть другими, но они не обязаны им соответствовать.

— Часто ли вам в жизни приходится говорить неправду или полуправду?

— К сожалению, по-разному бывает. Тем не менее стремление мое — как можно аккуратнее, но все-таки говорить правду. Не вижу смысла высказывать свое мнение, если в нем вранье. Зачем?

— Склонны ли вы верить тому, что погрязшее в грехах человечество сегодня находится на краю? Или у вас более оптимистический взгляд на его будущее?

— Я, конечно, оптимист. Несмотря на то, что сейчас происходит выплескивание агрессивной энергии. Конечно, после периода всеобъемлющей толерантности, что ли, или какого-то спокойствия в этом тоже есть своя закономерность. Думаю, нынешняя тенденция должна смениться другими настроениями. Это как море. Оно не может быть все время в шторме и в конце концов переходит в штилевые, более гармоничные состояния. Думаю, все хорошее, что от тебя зависит, ты должен продолжать делать, тем самым утверждая полярные воззрения, принципы. И не терять надежды! В эту минуту я думаю именно так. Но не знаю, буду ли так же рассуждать, когда мы встретимся через пять или десять лет.

Надо будет наблюдать и проживать все, что происходит вокруг нас, в чем мы сами принимаем участие, и делать выводы.

— Надо быть просто в потоке этой жизни?

— Но ты же все равно своим деянием что-то меняешь. Не опираясь на автомат Калашникова, не силой, а своими мыслями, энергией, примером. Это тоже должно каким-то образом воздействовать на людей. Могу вернуться к началу нашего разговора о невинных жертвах, тех репрессиях, которым была подвергнута вся наша страна, и Грузия в том числе. Какое количество интеллигенции, людей культуры, науки погибло! Надо об этом все время напоминать. И чем лучше мы будем жить, тем больше нужно говорить на больные темы, просвещать. К этому должны быть подключены все медиаресурсы — телевидение, интернет.

— В средние века не было телевидения, не выходили газеты. Первое печатное издание вышло в XVII веке. Но человек ведь с развитием цивилизации лучше не стал.

— Мы же не живем в средние века, слава Богу. Все зависит от нас, чтобы человек менялся в лучшую сторону. Может быть, все современные коммуникации придуманы, чтобы до человека доходило. Чтобы достучаться до него, а не для того, чтобы его просто развлекать и быть пассивным в этом развлечении. Чтобы достучаться до тех, кто не читает книг, журналов, документов. Не интересуется трагедиями, болями других людей. Чтобы у человека возрос градус эмпатии. Это же не может включиться по тумблеру, как обычно происходит, когда мы зажигаем свет в комнате. Это долгая, изнурительная работа всех ветвей власти. Потому что касается жизни людей, невинно убиенных людей, у которых были дети, родители, братья, сестры. Было стремление что-то сделать хорошее, сочинить, нарисовать, придумать. А их просто уничтожили. Это надо осознавать, заниматься этим. Но не так, как раньше, когда скучные педагоги преподавали научный коммунизм или политэкономия скучными

«Дети Арбата»

«Кремулятор»

фразами. Все по-разному может подаваться. Возможно, должна быть создана библия мучеников, чтобы к ней можно было обращаться.

– *Что на вас повлияло в юности?*

– На меня прежде всего влияла моя мама, с которой я и сейчас в прекрасных, дружеских отношениях. Конечно, моя бабушка, учившаяся у Всеволода Мейерхольда. Она рассказывала о дедушке, который играл в спектаклях этого режиссера. Дед погиб в 1941 году на войне, под Тверью. Повлиял на меня мой отчим – поэт, журналист Александр Аронов. В свое время ошарашивающее впечатление произвело на меня письмо Мейерхольда из Лубянки Вячеславу Молотову... А еще влияла музыка. Особенно классическая западная музыка. Все влияло и сублимировалось.

– *Что можете сказать о своих впечатлениях, связанных с Грузией?*

– В свое время, когда еще не бывал в Грузии, я уже полюбил ее через фильм Отара Иоселиани «Жил певчий дрозд». Я был в неопишемом восторге и в то же время в шоке от картины «Покаяние» Тенгиза Абуладзе. Всегда с жадностью смотрел

грузинские короткометражные фильмы. И тогда уже чувствовал – какие удивительные люди! Какой сказочный и человеческий кинематограф, сродни Федерико Феллини! А фильмы Параджанова? С ним я шапочно, но был знаком уже под конец жизни режиссера, когда он казался очень грустным человеком. До сих пор дружу с актером Рамазом Иоселиани. В 1985 году мы сошлись на съемочной площадке, и я сразу почувствовал близкого себе по сердцу человека. Мы до сих пор встречаемся, созваниваемся.

– *Вы играли в спектакле «Брестский мир» Роберта Стуруа...*

– Всегда любил театр Роберта Стуруа. Несмотря на то, что в спектакле «Брестский мир» мне была поручена микроскопическая роль, я испытывал чувство причастности к чему-то важному и необходимому. И необыкновенная музыка Гии Канчели, конечно.

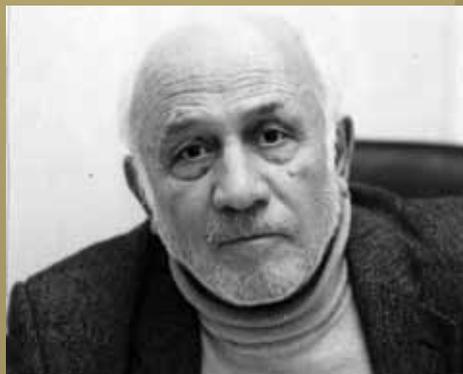
– *В этом спектакле Ленина сыграл Михаил Ульянов...*

– Он был поразительным человеком! Ульянов возглавил театр Вахтангова в очень сложный период. И переформатировал его – до него в наш театр невозможно

было позвать ни нового режиссера, не окончившего Щукинское училище, ни актера со стороны. Все считали, что другие вузы не выпускают талантливых актеров. Эти советские традиции были губительны. А Ульянов, хоть и был депутатом, но оставался свободным художником. Благодаря ему в театр стали приглашать интересных режиссеров – молодых, немолодых. Появились новые актеры, новые названия в репертуаре, на что театр никогда не пошел бы из-за так называемой традиции, которая на самом деле все умерщвляет, превращает театр в музей, пантеон, его и театром-то нельзя назвать. А звания? Я всегда говорил, что их нужно отменить, что это пережитки военной страны. Зачем нужна эта иерархия? Когда актеры приходят на первую репетицию, они все равны перед этой сценой.

– *Из последних сильных театральных впечатлений...*

– Могу назвать оперы, которые ставит Митя Черняков по всему миру – в Германии, Италии. Вот вам очень тонкий, пронзительный, гениальный режиссер.

СЛЕД ЖИЗНИ

— Александр ЭБАНОИДЗЕ

Продолжение

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Началось в нашем дворе.

По утрам я видел на балконе второго этажа жилистого парня с гирей в руках: это был Тамаз, старший брат Геды, красивой десятиклассницы с неслышной походкой. С помощью гири Тамаз пытался скорректировать свою чрезмерную поджарость. Я смотрел на его усилия, пытаюсь угадать вес гири и, наконец, решил попробовать ее. Гиря оказалась задвинута под кушетку у окна. Это был чугунный куб с отверстием для руки и четко отиснутым весом — 20 кг.

Первые два вечера я тщетно тужился над ним, на третий — одолел.

С этого началась моя спортивная жизнь. Дальше все пошло, как по маслу: так случается, когда вступаешь в свою колею. Каждый вечер я поднимался на второй этаж и выволакивал из-под кушетки чугунный куб. День ото дня он давался все легче. Не имея возможности увеличить вес, я наращивал количество подниманий.

Спорт хорош наглядностью результатов. Я чувствовал, как плечи и руки наливаются тяжестью. Разнообразия ради придумал еще один способ наращивания силы: выковырял

во дворе крупный булыжник и стал кидать его «от плеча» (как оказалось впоследствии «толкнул ядро»). Скоро замощенная часть двора сделалась тесна для моей затеи, пришлось переместиться на грунтовую, но там брошенный булыжник едва не влетел в каморку дворника Симона и, хотя в ней давно никто не жил, мне стало совестно перед бывшими обитателями, седобородым стариком и его внуками.

Так я открыл дверь, за которой обнаружилась увлекательная жизнь, принесящая много впечатлений. Правильный выбор естественным образом находит союзника.

Началось с того, что к нам в школу пришел новый физрук.

У нас уже были двое: охромевший после фронтового ранения штангист, вспыльчивый Шота Павлович, славившийся грозным окриком: «Мальчик-рраааз! Мальчик-два-аа! Альчик, скотина, я тебе говорю!» — после чего он с силой запускал нам под ноги палку для гимнастических упражнений, уворачиваясь от которой мальчики скакали, как козлы.

Вторым физруком был весельчак-балагур, выпускник ин-физкульты Борис Аполлонович,

влюбленный в баскетбол и не успевший понюхать пороха.

А вот о фронтовом прошлом нового физрука мы так ничего и не узнали.

Звали его Леонид Григорьевич Чернышев. Это был еще молодой мужчина, высокий, статный, с открытым смелым лицом, особой приметой на котором был перебитый нос, не размятый, как у бывалых боксеров, а сломанный как-будто ударом острого предмета — сабли или саперной лопатки, от чего кончик носа вздернулся. Травма не уродовала нового физрука, скорее придавала ему лихость. Совершенно исключено, чтобы мужчина его возраста и кондиций избежал в войну мобилизации; такой молодец обещал особую фронтовую удачу. Но за три года общения мы не услышали от Леонида Григорьевича ни слова о боевых подвигах. Он мог в два счета завоевать в мальчишеской среде непререкаемый авторитет, но ни разу не воспользовался такой возможностью.

По толстовской формуле человек как дробь: в числителе то, что о нем говорят, в знаменателе — что он сам говорит о себе.

Новый физрук не говорил о себе.

Оглядев доставшийся ему недокормленный контингент, он начал с общефизической подготовки. Долой тесный спортзал! Марш-броски и кроссы — вот что вдохнет в нас силу!

Нам повезло: за горой, нависавшей над нашей школой, лежал Ботанический сад — тянулся от Татарского кладбища до Института ботаники с опытными теплицами. Выше теплиц петляло шоссе, уходящее в Коджори и Манглиси. А в Ботаническом саду во все стороны разбежались дорожки и тропы, превосходные терренкуры.

В войну из города в ущелье пробили широченный тоннель, просторное бомбоубежище, но почему-то он был настрого закрыт, приходилось добираться до Ботанического через Сололакский кряж.

То трусцой, то быстрым шагом мы поднимались вверх от школы — мимо окон «графа Сегеди», по судьбоносной Код-

жорской и, оставив в стороне заброшенное католическое кладбище, избегали на Комсомольскую аллею. Вдоль аллеи росли посадки елей и подстриженной туи, а на скалистой горке красовался бронзовый олень, работа мастеровитого анималиста.

Поглядывая вниз на родной город, мы трусили к руинам Нарикала, недобегаая, сворачивали вправо и по кремнистой тропе скатывались к самому зрелищному объекту Ботанического сада – мосту над водопадом. Тут всякий раз останавливались и осторожно заглядывали за перила: в глубоком провале открывалась речушка, несоизмеримая масштабам окружающей пейзажа; с плеском и брызгами она низвергалась по уступам 30-метровой скалы и пенилась далеко внизу, на поверхности голубого озерца.

Леонид Григорьевич бегал кроссы с нами. В ущелье он перепрыгивал на другой берег речушки, выстраивал из валунов «огневые точки» и предлагал закидать их разбросанными по берегу булыжниками.

С 20-25 метров задача нелегкая. Сам он тоже бросал «гранаты» и заметно превосходил всех. При особо метком попадании он без слов оглядывался на нас, и его открытая физиономия с лихо вздернутым носом выражала задиристое мальчишеское превосходство. Простодушный и бесхитростный, он не был семи пядей во лбу, но был одержим идеей – восполнить урон, нанесенный войной нашему поколению, стереть в наших душах ее след, вырастить из пугливых недокормышей крепких, смелых парней.

Он добился своего – расправил нам плечи и поставил на ноги. А позже, отобрав с десяток ребят, сколотил легкоатлетическую секцию и умудрился выхлопотать для нас свободные часы на стадионе в Исани.

Стадиончик оказался маленьким. Он примыкал к военному городку, населенному офицерскими семьями, и состоял из футбольного газона, замкнутого гаревой дорожкой, легкоатлетических секторов и зрительской трибуны человек на триста.

На первых тренировках мы были невняты, как недопроявленные фотоснимки, разве что профессионал мог разглядеть в нас что-то; так же важен был отклик на тренерское предложение, ответный порыв. Побуждения не всегда совпадали.

Так Алик Морозов, от природы наделенный редкой скоростью выносливостью (он с первого раза легко выбежал из минуты на 400-метровке), спустя полгода бросил нашу секцию и перешел на плавание. Он и там быстро преуспел, доплыл до 2-го разряда в брассе, но ушел и оттуда. Самый одаренный из нас, причем не только в спорте, он плохо кончил – спился в подмосковном Крюкове, где работал в сверхсекретном НИИ – я узнал об этом от кого-то из одноклассников. Сам я мельком увидел Алика в начале 80-х по телевизору; он выступал за команду Крюкова в КВН, играл на трубе, освоенной еще в школьном оркестре; зал скандировал ему и аплодировал, а на губах у него играла непонятная, сардоническая ухмылка, знакомая мне со школьных лет...

В школьные годы я знал еще двоих ребят, растерявших дарования.

Ваня Нафтиков сидел рядом со мной за партой. Курносый, толстогубый, с хитрой улыбкой медово-карих глаз, он мог на клочке бумаги в считанные минуты воссоздать зимний пейзаж такой красоты, что хотелось оказаться там, среди сугробов и белых куличей, перед сторожкой, утонувшей по крышу, или избушкой, кротко курящейся дымком. Где он видел такие снега? В какое неведомое Беловежье переносилась фантазия тбилисского мальчишки и как, пользуясь только сухим «кохинором», он добивался пухлой вздутости и ослепительной белизны снегов? И куда канул Ванька Нафтиков – лукавый бесенок из свиты Снежной Королевы?..

Другой уникам обнаружился в нашей деревне. Гурам Ниорадзе, будучи много старше нас, случайно забрел в колхозный амбар, где мы в то лето репетировали «Разбойника Како». Поглядев на наши потуги, Гу-

рам неожиданно решил продемонстрировать скрытую выразительность хрестоматийного текста. Оторопев, мы услышали таящиеся в нем мужество и гнев, крестьянскую хитрую кротость и ненаигранную сыновью нежность. Модуляции красиво-баритона были так выразительны, что слезы набегали на глаза... Без сомнения, в Гураме теплился дар трагического актера!.. Вместо этого, в заботе о больных сестрах он всю жизнь проторчал на мельнице в трущобном поселке, даже не на старой водяной мельнице по ту сторону Чхеримелы – она хотя бы радовала глаз и ухо, а на пещерно-мрачной электрической мельнице, шлепающей приводным ремнем и разящей мышами.

Природа рациональна. Почему же, так щедро одарив этих троих, она самоустранилась?

На стадиончике в Исани я впервые ступил на полноценный футбольный газон с настоящими воротами; здесь вошел в сектор для толкания ядра с разметкой и белым брусом, ограничивающим разгон; этот брус внушал уважение и подтверждал, что моя дворовая самодеятельность осталась позади. Наконец, здесь Леонид Григорьевич вручил мне диск, любимый снаряд первых спортивных побед, и я сразу уловил классическое движение дискобола: широкий замах, динамичный разворот и резкий захлест.

Через год я выиграл городские соревнования в своей возрастной группе по метанию диска и вместе с грамотой получил памятный приз – альбом для фотографий с Медным всадником, оттиснутым на обложке.

Альбом жив, в нем фотографии тех лет, подпитывающие мою память.

На тех же соревнованиях мой брат Игорь победил в прыжках в высоту. Легкий, длинноногий, он был создан для этого вида спорта, тренеры присматривались к нему, а диктор по стадиону особо объявил: «В секторе для прыжков в высоту планка установлена на высоте 175 сантиметров. Остались два участника – это друзья-соперники Игорь Эбаноидзе и Анатолий Аракелов. И зрители,

многочисленные для юношеских соревнований, потянулись к сектору за футбольными воротами...

Сегодня названная диктором высота кажется более чем скромной, но в середине 50-х высотники еще не знали новейших способов преодоления планки – перекидного и фосбюри-флоп, а всесоюзный рекорд Юрия Илясова составлял 199 сантиметров.

Мы с Игорем оказались наиболее успешными учениками Л.Г.: спустя три года, уже студентом авиационного техникума, Игорь победил на Всесоюзной спартакиаде «Трудовых резервов», а я выиграл всесоюзные соревнования спортивного общества «Динамо» по метанию молота.

Готовил ли Леонид Григорьевич из нас чемпионов, или довольствовался нашей физической подготовкой? Станный вопрос для спортивного тренера: разумеется, он готовил нас к соревнованиям и искренне радовался нашим победам. Его открытая физиономия с задорно вздернутым носом сияла, когда после победы своего ученика он оглядывался на коллег, и на его простецком лице проступало нечто несвойственное ему – надменное торжество. При этом он знал, что как только наиболее перспективные из его учеников «проклюнутся», их разберут. В тренерской среде он был чужак, физрук-энтузиаст, взявшийся не за свое дело, тогда, как их подпирала комитет физкультуры, спортивные общества, дружеские связи... Леонид Григорьевич не упрекал своих бывших. Ни слова не говорил он и коллегам, хотя их действия смахивали на «конократство». Для него было важно, чтобы ученик попал в хорошие руки и получил доступ к качественной тренировочной базе.

Проклюнувшись, ушли и мы с братом. Из Игоря продолжали пестовать высотника, он вплотную подобрался к 2-х метровой высоте и какое-то время тренировался вместе с будущим чемпионом Римской Олимпиады Робертом Шавлакадзе, славным парнем, в своем кругу любовно прозванным Туту; меня

же тренерский совет решил перепрофилировать в метателя молота; на дискгола я не тянул по физическим данным, а в метании молота высокий рост и размах рук компенсировались скоростью вращения и координацией.

ХОЛОДНЫЙ СПОРТЗАЛ

Он вспоминается еще родней и печальней, чем стадиончик в Исани.

Встроенный между трехэтажками и бараками рабочего квартала, он тускло светил зарешеченной лампочкой над входом. Мы и сюда добирались на трамвае, так же долго, как до Исани, а потом шагали по полутемным улочкам, пока не утыкались в него. Неотличимый от соседей, чуть выше и чуть нелюдией, он стоял отрешенно, как постаревший спортсмен, забывший свои давние победы.

Помучив нас ржавым амбарным замком, он впускал в гулкое сыроватое пространство, выкрашенное светло-коричневой краской, открывал служебные помещения: душевую с ржавыми подтеками, пахнущий хлоркой клозет, раздевалку с тесными шкафчиками и покосившимися дверцами.

Переодевшись, мы выбежали в зал и под стук мячей и громкие голоса он отогревался, прокашливался и вроде как улыбался виноватой улыбкой неудачника.

Для меня так и осталось загадкой, из каких средств простодушный Л.Г. оплачивал тренировочную базу для нашей секции. Положим, Комсомольская аллея и Ботанический сад в те годы еще были бесплатно доступны, но за ухоженный стадион в Исани и за спортзал надо было платить, хотя бы за отопление и электричество.

Эти меркантильные мысли рождены нынешним временем. В моей юности был советский социализм с его заботой о молодежи. Однако за футбольным газоном и гаревыми дорожками в Исани кто-то ухаживал, а спортзал и раздевалку кто-то освещал тускло и отапливал слабо, но и это стоило денег. Где их брал наш простодушный физрук?

Скорее всего, ответ в не-

обычном пополнении нашей секции: в спортзале к нам присоединялись люди явно не школьного возраста. Их состав менялся, некоторые надолго пропадали из вида, но двое запомнились крепко – стайер Папуашвили и спринтер Гоча. Первый выигрывал все массовые городские забеги в Худовском лесу, второй с чрезмерным рвением осваивал низкий старт и часто падал, обдирая колени и локти. Оба были глухонемые: Папуашвили маленький, чернявый, улыбчивый, Гоча – красавец с трагическим лицом и идеально красивым телом.

Как-то оказавшись в комнате с телефоном, я услышал, что их увлечение спортом оплачивалось Обществом глухонемых.

Еще к нам на тренировки приходили девушки с шелкопрядильной фабрики – Люся и Надя.

Люся была стройная, броская, цыганистая. С годами, совсем было стершись из памяти, она вдруг всплыла с появлением на киноэкранах молодой Любови Полищук – уж очень оказалась похожа.

Что до Нади, то в ее необычном облике все примеси подавлял угрюмый угро-финский ген: жидкие, соломенные волосы, молочно-белая кожа, узкий безгрудый торс и непомерно большой зад.

Голенастая Люся осваивала прыжки в высоту – незамысловатыми «ножницами»; Надя неплохо метала копье и во время разбега в ее лице с припухшими веками и гладко зачесанными волосами проступало что-то жестокое.

Девушки на занятиях особо не выкладывались, больше прыжков и копья им нравилась придуманная нами игра, которой заканчивались тренировки – грубоватая смесь баскетбола с регби. Потные, раскрасневшиеся, встрепанные, они носились между нами, толкались, хохотали, падали, а мы по-мальчишески робко касались их, или, осмелев, хватали и вдыхали незнакомый томительный телесный запах – запах женщины. непохожий ни на какой другой, он вьелся в подкор-

ку и остался там, как след тех давних вечеров в непротопленном зале, как запах нашей безгрешной спортивной юности.

ПОЕЗДКА В БАКУРИАНИ

И вдруг в эти промозглые вечера ворвался праздник, щедрый новогодний подарок – поездка в Бакуриани!

В Тбилиси снег – редкость, а снежных зим за мою жизнь наперечет. Одна из них описана в «Святом колодце» Валентина Катаева, первом «мовистском» шедевре мастера. Я узнал ее, ту давнюю зиму начала 50-х, так зримо воспроизведены все ее приметы: веселая сумятица, транспортный коллапс, знаменитая гора, тонущая в снежной круговерти...

Обычный зимний пейзаж Тбилиси – слякоть и дождь с редкой примесью мокрого снега, контур знаменитой горы в тумане, исчезнувшая телевышка, грипп и уныние.

И вдруг – Бакуриани! Знаменитый зимний курорт!

Тогда в стране не было ни Медео, ни Домбая, ни, тем более, Красной поляны. Бакуриани был мечтой всех горнолыжников, лучшим зимним курортом в стране, советским Давосом и Куршавелем. Нас везут туда на зимние каникулы, дабы не отрываться от школы. Мы – это победители городских соревнований в разных видах спорта – гимнасты, пловцы, борцы, но главным образом легкоатлеты – около тридцати мальчиков и девочек от пятнадцати до восемнадцати лет, и мы впервые едем без тренеров.

Из старших с нами только Тамара Давыдовна, пожилая грузинка с утомленным лицом и проседью в волосах. В разговоре она не раз упоминала своего начальника, Георгия Мерквиладзе, организовавшего поездку: он один из зачинателей спортивного движения в Грузии. Если позволит время, он приедет в Бакуриани провести юных чемпионов, «надежду грузинского спорта» – так она сказала, коснувшись своими словами юных самолюбий.

Из памяти выпало многое. К примеру – как мы добрались до Боржоми? Скорее всего, на электричке. А, может быть, на

раздолбанном поезде «Тбилиси – Вале», ползущем к турецкой границе?

В конце концов, это неважно. Сказка началась после.

В Боржоми, у старинного вокзального павильона, стоял игрушечный поезд – с полдюжины маленьких вагончиков и двумя паровозами в голове и в конце состава. Паровозики нетерпеливо пыхтели и пускали пар, проводники в фуражках с кокардами проверяли билеты.

Игрушечный поезд завезли в Грузию из Швейцарии чуть ли не сто лет назад, и сохранился он только на ветке «Боржоми-Бакуриани». В последний раз он промелькнул в фильме «Не горюй!», в эпизоде дуэли чванливого генерала с невезучим женихом Насты Вертинской (разумеется, речь о ее персонаже).

Нам повезло: в тот год «кукушка» (любовное прозвище поезда) еще ходила. Тридцать километров пути она преодолевала чуть ли не за три часа, хотя стоянки на придорожных станциях не были особенно долгими.

Игрушечный поезд петлял по ущелью, и на поворотах были видны оба паровоза – в голове и в хвосте состава. Оба работали изо всех сил, старались, пыхтели, а поезд полз медленно, и за его большими окнами проплывали сказочные красоты: крутые, заснеженные склоны, поросшие корабельными соснами – розовые стволы, высокие кроны; берендеевы ели с куличами снега на лапах; красавец-олень, увязший по грудь в сугробе; башня на выступе скалы, похожая на обезглавленного великана в бурке; ажурная беседка над бездной для жаждущих адреналина... И вдруг сбой дыхания – провал, гигантский каньон, разверзшийся под колесами нашего поезда, и внизу, на дне речка с красными берегами – словно в ее верховьях не стихает жестокая сеча. На самом деле в горах тишина, а берега речки красны от железистых вод, сочащихся повсюду в окрестностях Боржоми...

Все три часа до Бакуриани я, как пригвожденный, просидел у окна, только разок, на подступах к Цагери, любопытство

вывело меня на открытую площадку перед вагоном. Я вышел и задохнулся от хлынувшего в грудь чистейшего кислорода.

Не буду подыскивать слов для описания красот на пути «кукушки». Один исторический факт убедительно подтвердит исключительность этих мест.

Русские цари, владетели безразмерной империи, обратили в свою собственность только две территории, наложили руку на две природные жемчужины – Крымскую Ливадию и Боржомское ущелье. Ничего не скажешь – губа не дура!..

Путешествие на «кукушке» удалось, а каникулы прошли еще лучше.

В Бакуриани нас поселили на турбазе, выдали лыжные костюмы из «чертовой кожи», с манжетами на руках и ногах, дали ботинки, лыжи и даже варежки с шапочками. Нас не поднимали на красавицу Кохту и не пускали на знаменитые слаломные трассы, а прыжки с трамплина мы наблюдали издалека. Но нам предоставили окрестности Бакуриани, заснеженные овраги и крутояры, и этого хватало с лихвой.

Большинство из нас впервые встали на лыжи, и их освоение превратилось в игру, в веселую клоунаду с уморительными коверными.

День ото дня обретая устойчивость, мы могли бы съехать с пригорка в заметенную снегом ложбину, но подмывало завалиться на полпути, рухнуть в сугроб, зарыться, утонуть в снежном пуху. Жителям субтропиков нам был знаком хилый снежок, тающий на лету. Такого снега мы не знали: он оказался пушистый и сухой. Обувь не промокала от него, с одежды он стряхивался по щелчку, а налипал только на ресницы, и мир сквозь нетающие снежинки радужно двоился и сверкал! Ради такой красоты мы зарывали друг друга в снег и хохотали, глядя, как жертва пытается встать, опираясь на палки, и расплести скованные лыжами ноги; это долго не удавалось, и мы умирали со смеху, глядя на мучения очередной жертвы...

Сказочная «кукушка» не просто переместила нас из долины в горы, из Боржоми в Ба-

куруиани: она вернула нас в бездумную легкость детства...

В январе дни короткие, мы не успевали поиграться, как приходила ночь. Она оказывалась чуднее дня: мороз достигал двадцати градусов, небосвод над Кохтой затвердевал и превращался в необъятный купол, укутанный звездами. Снег под ногами визжал, а мороз драл уши, и приятней не было, как подумать, что за углом нас ждет протопленный дом и мягкие постели.

Утром над горами всходило холодное солнце, ослепительное на безоблачном небе. Постепенно воздух прогревался, и перед обедом, на припеке под окнами столовой можно было увидеть туристов в купальниках и темных очках. Они лежали в шезлонгах на пледах, раскинув руки и задрав головы.

Из наших ребят за все каникулы ни один не разделся, хотя послеполуденное солнце припекало. Мы вняли мольбе нашей Тамары Давыдовны: «Дети, ради всего святого, не вздумайте подражать этим ненормальным! — она осторожно кивала в сторону загоравших. — Они моржи, из медвежьих углов. Дайте мне вернуть вас родителям без соплей и кашля!..»

В заботе о нас она обходила перед сном спальню комнаты и с наигранной беспечностью, маскировавшей тревогу, спрашивала:

— Мальчики, руки-ноги целы? Жалоб нет?

— Целы, — вразной откликнулись мы. — Нету.

— Тогда спокойной ночи, мои хорошие! Спице вволю.... — с этими словами она гасила свет и прикрывала дверь, и комната турбазы делалась еще теплей и уютней.

Пребывание в Бакуриани подходило к концу, когда один из ребят, многообещающий гимнаст Нодар Макалатия (в Риме, в составе сборной Союза он выиграл олимпийскую медаль) остановил ее вопросом:

— Тетя Тамара, а уважаемый Геогий приедет?

— Что за Геогий? — отчужденно, с неудовольствием переспросила Тамара Давыдовна.

— Геогий Мерквиладзе, о котором вы говорили.

— Аа, — вспомнила она и, судя по голосу, улыбнулась. — Не приедет, ребята, дел уйма. Да и здоровье уже не то... Жаль, конечно, но... Спице, мои золотые, спице...

Кто они были — Тамара Давыдовна и Геогий Мерквиладзе? Кем доводись нам, тбилиским мальчишкам и девчонкам, и что за ценность представляли мы, начинающие спортсмены, из которых со временем только четверо прикоснутся к большому спорту, а двое поборются за мировые медали? Отчего голос этой стареющей женщины наполнялся такой теплотой и заботой, когда она тревожилась о нас и желала нам доброй ночи?

Здесь еще одно обязательное нарушение «антикварности» моей коллекции, еще один выход за хронологическую черту.

Будучи главным редактором «Дружбы народов», я много лет входил в жюри Ялтинского киноконкурса, проходившего в рамках фестиваля стран СНГ. Там довелось увидеть фильм о подростках 90-х годов, представленный документалистами Сибири. Снятый строго и честно, он произвел такое впечатление, что жюри не сразу приступило к обсуждению.

В фильме отснято несколько дней из жизни подростковой оравы.

Дети жили в отопительной магистрали, тянувшейся вдоль широкой улицы. Съёмки велись зимой, и подростки грелись от трубы. Изредка они выбирались на поверхность в поисках добычи. Разжившись, возвращались назад и «ловили кайф», нюхали клей, глотали «колеса», курили дурь, терлись об девчат. Потом голод опять выгонял их из норы, они шныряли по маркетам, тыря из тележек и с полок хлеб, молоко, колбасу. Схваченные за руку, вырывались под вопли старух, отбивались от полицейских дубинок. Фильм кончался ничем: нанюхавшийся клея юнец икал и хихикал, глядя на нас с экрана.

Описывая нашу поездку в Бакуриани, я вдруг вспомнил этот фильм и содрогнулся. Меня поразила хронологическая па-

раллель: мы ехали в сказочном поезде в сказочную долину через десять лет после окончания страшной войны, разрушившей и разорившей страну, и в солнечной долине нас ждали тепло, уют и забота.

Подростки из Новосибирска забились в бетонную штольню через десять лет после объявления перестройки, начатой с целью усовершенствования благополучной, богатой страны.

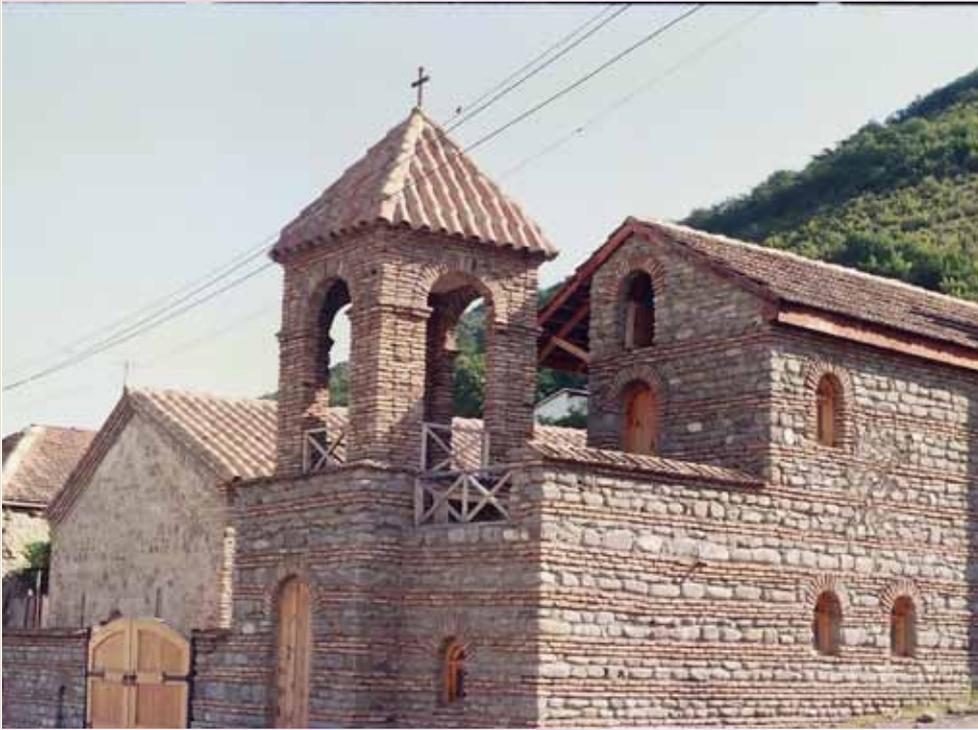
Увиденное не назвать контрастом. Бездумно отрекшись от прошлого, страна одичала. Отдавшись зверю наживы, она потеряла стыд и совесть. Социологи не верили глазам, работники просвещения хватались за голову: статистика свидетельствовала о тысячах и тысячах бездомных детей — туберкулезных, истощенных, вшивых, страдающих от недоедания и не умеющих читать и писать. «Такого не было даже после войны!» — ужасались они.

О том, как было после войны, сказал поэт послевоенного поколения Геннадий Русаков. Сполна вкусивший горечь сиротства, он в годы нового безвременья оглядывается на прошлое и мечтает: «...И чтоб моя страна своих детей искала/ и прижималась к ним от слез распухшим ртом,/ а после, одарив слинявками, ласкала,/ как не ласкала никогда потом».

Мы с Русаковым одноклассники, дети войны. Я подтверждаю — никогда страна не ласкала нас, как в те годы. Лыжные костюмы с манжетами на пуговках нелепы, особенно рядом с альпийской амуницией горнолыжников, но память о них трогает сердце. Как и непротопленный спортзал с тусклой лампочкой над входом, как стадиончик в Исани. Они созвучны словам замечательного поэта и моего друга Геннадия Русакова.

Либералы, сторонники конкурентной экономики, упрекают социалистический строй за патернализм. Честь и хвала советскому социализму! Страна помнила всех отцов, не вернувшихся с войны, и как могла, как умела, пыталась их заместить.

Продолжение следует

Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Ахалгори

ПО ТУ СТОРОНУ РОДИНЫ

■ Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

За месяц до августовской войны, ранним утром 29 июня 2008 года, наша группа друзей-паломников села в микроавтобус и выехала в направлении региона Шида Картли. Тогда для нас это была очередная, «плановая» поездка по разным уголкам Грузии, где мы посещали святые места, монастыри, архитектурные памятники, делали фотографии на память, привозили иконы, свечки, кресты и четки, изготовленные руками монахов.

Ехали мы через ущелье реки Ксани и по ходу любовались великолепными ландшафтами Шида Картли. В дороге с интересом слушали нашу подругу, которая рассказывала о памятниках архитектуры, которые нам предстояло посмотреть в окрестностях города Ахалгори. Ксанское ущелье расположено в западной части региона Мцхета-Мтианети и входит в состав двух муниципалитетов: верхняя часть, от истока Ксани до села

Одзиси, принадлежит муниципалитету Ахалгори (с 2008 года эта территория оккупирована РФ). Нижняя часть, от Ксовриси до Цихисдири, находится в Мцхетском муниципалитете. На востоке Ксанское ущелье граничит с Арагвским, на западе – с Лехурским, на севере – с хребтом Алеви, а на юге с – рекой Мтквари. Это одно из красивейших мест Грузии. «Рельеф ущелья многообразен, верхняя часть – гористая, покрытая красивыми лесами. Вершины гор покрыты альпийскими лугами. Нижняя часть – широкая равнина, где раскинута Мухранская долина с плодородными садами и виноградниками», – читаем в книге выдающегося грузинского этнолога и историка Серги Макалатия «Ксанское ущелье».

Согласно историческим данным, в средние века ущелье находилось под управлением Ксанских эристави, и в определенный период времени их резиденция была в горах, в Ларг-

виси. Однако с расширением саэриставо (земель эристави), резиденция переместилась в Ахалгори, расположенный на более открытой местности в нижнем течении Ксани. В исторических источниках Ахалгори впервые упоминается в 70-х годах XVI века. А в XVII веке грузинский историк и писатель, автор летописи «Жизнь Грузии» Парсадан Горгиджанидзе писал: «Ростому, который был поставлен Ираном царем Картли, долгое время оказывал сопротивление воюющий за независимость Грузии царь Кахети Теймураз I. Его поддерживали Ксанские и Арагвские эристави, а также Амилахори. В конце 30-х годов XVII века союзники с войском собрались в Ахалгори. Как только об этом узнал Ростом, срочно собрал войско и неожиданно напал на эриставов, стоявших на молебне в Ахалгори». Спустя век от другого летописца мы узнаем, что в 1721 году Ксанский эристави Шанше самовольно покинул Тбилиси и отправился в свои владения. Он несколько раз восставал против Вахтанга VI, и царь знал, что эристави по-прежнему помышлял об измене, поэтому незамедлительно отправился наказать непокорного феодала. После победы над эристави, войско царя сожгло княжеский дворец. В 70-х годах XVIII века, после упразднения саэриставо, Ахалгори потерял статус резиденции...

К полудню мы уже прибыли в Ахалгори. Первое, что посетили – церковь Успения Пресвятой Богородицы, памятник позднего средневековья. Через аккуратные деревянные ворота мы вошли во двор церкви. Здание по форме представляет собой удлиненный прямоугольник, который с восточной стороны замыкается прямоугольным алтарем. Храм построен из грузинского красного кирпича, а в качестве дополнительного строительного материала использован булыжник. Справа от церкви возвышается колокольня, к которой ведет каменная лестница с деревянными перилами.

В тот обычный солнечный день в церкви велось богослужение, прихожане пришли с семьями, во дворе бежали де-

Монастырь Икоти

тишки, вокруг царила атмосфера любви и спокойствия, ничто не предвещало надвигающейся беды. Люди, пришедшие на литургию, вряд ли могли предположить, что всего через месяц этот город, находящийся в самом сердце Шида Картли, будет оторван от остальной Грузии.

Дождавшись окончания службы, мы направились в Ахалгорский замок (дворец и крепость), резиденцию Ксанских эристави, которая официально называется «Историко-архитектурный музей-заповедник Ксанского ущелья». Замок находится на склоне высокой горы, и отдельные строения расположены таким образом, что архитектурный ансамбль целиком направлен в сторону реки. С самой высокой башни все ущелье видно как на ладони. Согласно информации, приведенной в книге «Шида Картли. Архитектурное наследие Ахалгорского района. Материалы экспедиций 1985-1986 гг.», первоначально замок имел простую планировку – дворец, с четырех сторон обнесенный высокой каменной стеной с башнями. Позднее в планировку были внесены изменения, а в XIX веке он был перестроен в стиле ампира. В

советское время во дворце размещались школа и спортзал, а ныне в нем расположен краеведческий музей, где выставлены артефакты раннего античного периода, обнаруженные в Ксанском ущелье: оружие, ювелирные изделия, нумизматическая коллекция, глазурованная керамика и этнографический материал XVIII-XIX веков.

В статье журналистки Теи Цагуришвили в журнале «Карибче» приведены интересные факты об укладе жизни княжеской семьи: «Дворец трехэтажный, первые два этажа более старые. На первом жила прислуга, на втором – моурави. Третий этаж был надстроен позднее, его деревянный балкон опирается на двенадцать высоких кирпичных колонн. На этом этаже жила семья эристави. У гостиной с восточной стороны была дверь, из которой господы с помощью движущегося деревянного моста переходили через ограду и выходили за пределы крепости. В гостиной над камином висел портрет эристави Шанше. В бытность резиденцией дворец с крепостью был обнесен еще одной каменной оградой, которая занимала площадь в один гектар. Сегодня кое-где сохранились руины этой стены». Отличительной особенностью резиденции являются ее башни, первоначально одна из них стояла в юго-восточном углу крепости, а вторая – посередине северной стены. Первая сохранена лучше, эта семиэтажная башня была покрыта двускатной крышей. В стенах расположены бойницы, ниши для хранения продовольствия, камин и т.д. На шестом этаже был установлен навесной балкон. Несмотря на то, что вторая башня более массивная, она не избежала «веяний времени» и несколько верхних этажей были разрушены. На рубеже XVII-XVIII вв. в юго-западном углу крепости была пристроена еще одна, трехэтажная, башня, которая использовалась в качестве жилища. На верхних ярусах ограды были расположены бойницы. Дворец утопает в зелени, с деревянного балкона открывается великолепный вид на фруктовый сад, и совсем удивительно, что несколько ве-

ков назад эристави выбрали это место для своего проживания.

Покинув роскошные княжеские палаты, мы поднялись в горы, чтобы посетить еще одну жемчужину грузинского зодчества – монастырский комплекс Ларгвиси. Он расположен в верховьях реки Ксани, на высоте 1100 м над уровнем моря. Изначально здесь находилась усыпальница Ксанских эристави, но после переноса резиденции в Ахалгори, в качестве фамильного склепа был избран храм Икорта, построенный в 1172 году. Несмотря на это, эристави не оставляли могилы своих предков без присмотра и всегда проявляли к Ларгвиси особую заботу. У входа в церковь висит доска, сообщающая посетителям о том, что «монастырь построен в XIV веке, существовавшие ранее постройки: замок с церквями и другими строениями уничтожены. Купольная церковь возведена в 1759 году. Ограда с башнями построена Шанше в 1721-1741 гг.».

Как указано в книге Вахушти Багратиони, «к северу от Садзегури находится монастырь Ларгвиси, Святого Феодора, без купола, всячески украшенный». На основе этих сведений можно заключить, что стоявшая здесь в XIV-XV веках купольная церковь была разрушена, а на ее месте построена церковь без купола. В 1750 году Шанше, ослепленный персами во время своего тюремного заключения, пожертвовал церкви икону Св. Феодора, сделав на ней надпись: «Мы, эриставт-эристави Шанше, украсили икону сию Св. Феодора Тирона для Ларгвисского монастыря, дабы он заступился за нас перед Господом». Если в 1750 году Шанше заказал для церкви данную икону, соответственно, храм существовал. Но по какой-то причине был разрушен. Сведения о строительстве храма, дошедшего до наших дней, дает надпись на иконе Богородицы, согласно которой, церковь Святого Феодора была построена эриставом Давидом и его матерью Кетеван. Надпись на иконе сделана в 1762 году, но здание было построено раньше. По другим данным, разрушенный в 1750-х

годах храм был восстановлен в 1759 году. Как видим, церковь была многократно разрушена и восстановлена. Согласно историческим источникам, разрушения, в основном, были обусловлены стихийными бедствиями и нашествиями врагов.

На первый взгляд, это обычный храм с высоким куполом, однако, в нем есть «секретные» комнаты: по бокам алтаря расположены двухъярусные помещения, внизу находятся дьяконник и жертвенник, а наверху – так называемые тайники. В церквях подобного рода такие тайники можно встретить повсюду, их использовали для хранения церковных сокровищ. В Ларгвиси эти комнаты действительно служили укрытием и имели оборонительное значение, поскольку в те времена на территорию Грузии совершали набеги различные завоеватели. Особенно в 50-х годах XVIII века, когда «весь Картли был «наводнен» лезгинами, и население укрывалось в крепостях». Поэтому церковь, построенная в 1759 году, в особых случаях должна была выполнять также и оборонительную функцию.

Монастырь с ранних времен стал очагом грузинской литературы и культуры. Здесь работали многие видные священнослужители и писатели, в частности, в XIV веке создавал свои произведения знаменитый писатель Авгароз Бандаисдзе, которого считают автором «Дзегли эриставта» (летопись Ксанских эриставта). Дело Авгароза продолжил его сын, Григол, описавший набеги Тамерлана на Грузию. Из монастырской библиотеки до нас дошли ценные рукописи и церковные святыни. Существование монастыря Ларгвиси во многом зависело от существования Ксанской саэриставта. Как известно, царь Ираклий II постепенно избавлялся от непокорных центральной власти феодалов, в число которых попали и Ксанские эриставта. После упразднения саэриставта, в 1771 году, последовало понижение статуса Ларгвисского монастыря. А в 1811 году монастырь, потерявший значительное количество прихожан, был превращен в обычную сельскую церковь.

Сегодня комплекс состоит

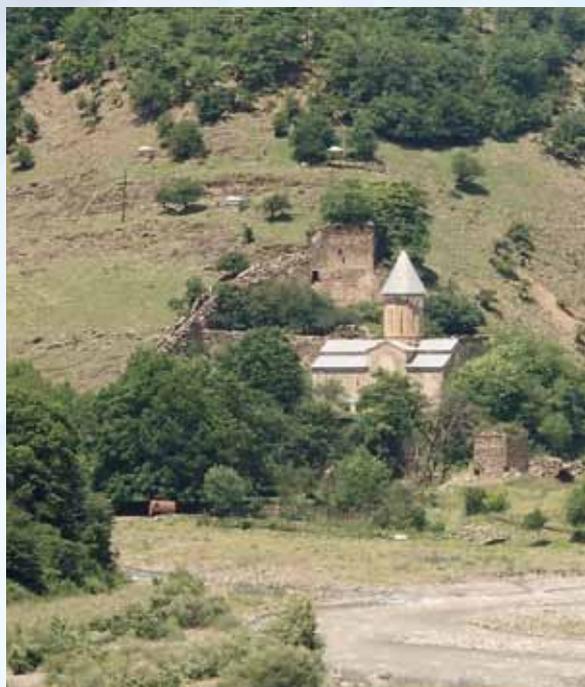
из крепости с башнями, жилых строений, купольной церкви и отдельно стоящей башни. После десятилетий вынужденного прекращения богослужений в монастыре усилиями нынешнего главы Никозийской и Цхинвальской епархии митрополита Исаии богослужения были возобновлены.

Несколько лет назад в газете «Литературный Месхети» был опубликован цикл статей, посвященный оккупированным селам Ахалгорского муниципалитета, автором которых является ассоциированный профессор Горийского государственного университета Давид Ахлоури. В его статье мы читаем, что к северу от Ахалгори находится деревня Икоти, которая расположена на левом берегу реки Ксани, на высоте 960 метров над уровнем моря. Икоти упоминается в исторических источниках с XVII века, хотя население проживало здесь с древнейших времен, о чем свидетельствуют обнаруженные в селе археологические памятники эпохи позднего бронзового века.

Настоящим украшением Икоти является построенный в XVIII веке летний дворец Ксанских эриставта. Его приобрел известный князь Гено Кобулашвили, который позднее преподнес его в качестве свадебного подарка своей дочери Нино Кобулашвили и зятю Михаилу Багратион-Мухранскому. Михаил прожил в этом дворце до конца своей жизни. В свое время он три комнаты дворца передал сельской школе, где местные дети получали среднее образование вплоть до 1988 года. Позже дворец пришел в запустение... 10 июня 2003 года, по благословению митрополита Исаии, в здании дворца был основан женский монастырь имени Святого Алексия Шушания, построены небольшая церковь и колокольня, обустроены кельи. В 2007 году монастырь посетила журналистка Тея Цагуришвили, которая провела там несколько дней и имела возможность изучить жизнь обители. Вот отрывок из ее статьи: «С большого деревянного балкона монастыря открывается вид на весь Икоти. Монастырь владеет небольшим хозяйством, зе-

мельный участок обрабатывают сами сестры, в одной из комнат есть установка по изготовлению церковных свечей. По милости Божией и благословению владыки, здесь изготавливаются свечи из чистого воска для всей епархии. Сестры также производят ткани для одежды и вышивки, здесь же вяжется грузинский традиционный палас (ковер без ворса), производятся изделия из войлока».

Спустя месяц после нашей поездки, в результате войны, эти памятники исторического и духовного наследия Грузии оказались на оккупированной территории. Владыка Исаия не

Монастырь Ларгвиси

оставил свою паству и не покинул епархию во время эвакуации населения – на сегодняшний день богослужения, как и прежде, проводятся в храмах и монастырях, о которых мы рассказали в этой статье. Завершить ее хочется словами профессора Серго Вардосанидзе из книги «Грузинские архиереи»: «Глубокие раны есть у Грузии, эти раны наиболее отчетливо видны в Никозийской и Цхинвальской епархии, но мы верим в стойкость и самоотверженность нашего народа, епископ Исаия показал всем пример этой преданности, и так он останется в истории».

Русский дом в Сент-Женевьев-де-Буа

ПУСТЬ ПОМНЯТ НАШИ ДЕТИ...

■ **Артем КОМАРОВ**

Главный некрополь русской эмиграции всегда привлекает внимание туристов из разных стран. Сюда приезжают туристы не только из России – со всего мира. Мне кажется, любой человек, неравнодушный к русской истории и культуре, должен побывать тут хотя бы раз. Как однажды довелось побывать и мне – в далеком 2005 году.

По преданию, когда мощи святой Женеьевы, покровительницы столицы Франции, перенесли в предместье Парижа, то там, в лесу, вдруг забил источник. И это место, а потом и возникший тут городок, стали называть Сент-Женевьев-де-Буа, то есть «Святая Женеьева из леса».

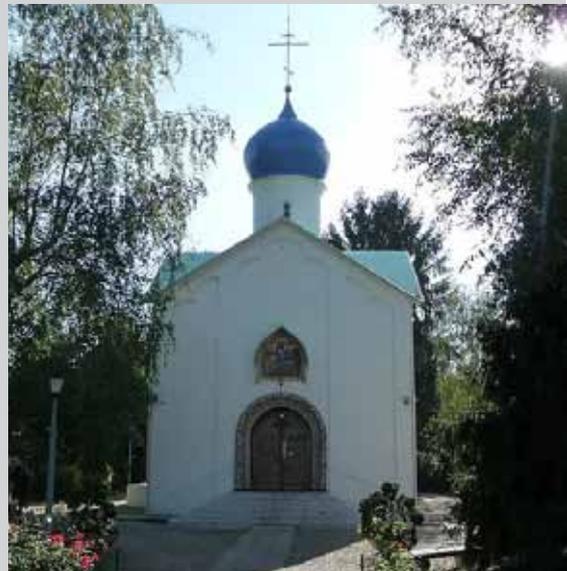
В 20-е годы XX века княгиня Вера Кирилловна Мещерская в усадьбе, подаренной благотворительницей Дороти Пэджет, основала в Сент-Женевьев-де-Буа Русский дом для престарелых эмигрантов (кстати, потом-

ки княгини до сих пор руководят Русским домом). Часть местного кладбища городские власти выделили для русских, и с 1927 года здесь начали хоронить пансионеров старческого дома, а со временем и большинство русских эмигрантов страны – тех, которые селились во Франции и в канун Первой мировой войны, и в годы Октябрьской революции и Гражданской войны, и позднее, в период «третьей волны» эмиграции (1965-1988 гг.). Сегодня это крупнейшее русское кладбище за границей.

«Кладбище это уникальное

(как уникальной была сама Первая русская эмиграция), – пишет в своей книге «Русский погост в предместье Парижа» Борис Носик. – Редко где найдешь на свете клочок земли, где сошлись бы так тесно имена князей и дворников, охранителей порядка и его разрушителей, поэтов и генералов, императорских фрейлин и казачьих есаулов, портних и

Церковь Успения Божьей Матери

балерин, певиц и приказчиц, генералов императорской свиты и агентов ГПУ, священников и киноактрис... Блистательные десятилетия XIX столетия сплетаются здесь с прославленным Серебряным веком, с катастрофой революции, с ужасом октябрьского переворота, с десятилетиями террора – вся история русского XX века на этом маленьком кладбище Франции близ Парижа. Воистину, похоронено здесь ушедшее

ный погост, хотя здесь похоронены люди и других религий.

На кладбище стоит православная церковь Успения Божьей Матери, заложенная в 1938 году и освященная 14 октября 1939 года. Ее архитектором стал А.А. Бенуа, который в соавторстве со своей супругой Маргаритой Бенуа расписал внутреннее убранства храма. Альберт Бенуа тоже похоронен на этом кладбище.

По состоянию на 2023 год, на кладбище было 5200 могил, в которых похоронено около 15 тысяч усопших (по другим данным, 11 600).

Здесь нашли свой последний приют писатели Иван Бунин, Борис Зайцев, Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, Владимир Максимов, Виктор Некрасов, поэты Георгий Иванов и Александр Галич, художники Константин Коровин, Константин Сомов, Зинаида Серебрякова, Мстислав Добужинский, балерины Матильда Кшесинская и Ольга Преображенская, кинорежиссер Андрей Тарковский, танцовщики Серж Лифарь и Рудольф Нуреев, протоиерей Сергей Булгаков... И многие другие известные личности.

На кладбище находится несколько воинских захоронений: мемориал генерал-майору М. Дроздовскому и частям генерала Белой Добровольческой ар-

мии; мемориал Михаилу Алексееву, захоронение знаменитых «алексеевцев»; памятник военного Общества Галлиполийцев (великое «Галлиполийское стояние» 22 ноября 1920 – 6 мая 1923); Казачий мемориал («донские казаки»); могилы русских военных, сражавшихся во время Второй мировой на Западном фронте; мемориал русских участников французского Сопротивления; могилы кадетов русского зарубежья...

Как тут не вспомнить строки Роберта Рождественского:

Здесь упокоились сны
и молитвы,
Горесть и доблесть,
«Прощай!» и «Ура!»,
Штабс-капитаны
и гардемарины,
Хваты полковники и юнкера.
Белая гвардия, белая стая,
Титулы, звания,
в должности рост.
Влажные плиты,
травой зарастая,
В русских словах,
но французский погост.

В 2001 году свои впечатления от посещения Сент-Женевьев-де-Буа Андрей Битов описывал так: «От людей остались только тени и эти начертания букв... Точно это были буквенные тени. Тени от букв. Я не видел даже очертания памятников! Только

столетие: погост XX века...»

Проходя по кладбищу, невольно задумаешься: «Как мало от человека остается! Старые фотографии, крест на могиле и память. Вот и все!» Я читаю великие фамилии на надгробиях и задаюсь вопросом – а если бы что-то поменять в истории? Ну, хоть десятую часть? Вот остались бы эти изгнанники доживать свой век на родине, и как знать – может, их жизни и судьбы сложились бы более счастливо, может, они бы больше создали, написали, превторили в жизнь... Как знать... Только у времени (равно как и у истории) нет этого «бы». Нет сослагательного наклонения...

Сент-Женевьев-де-Буа – преимущественно православ-

Галлиполийский обелиск

Мемориал русских участников французского Сопротивления

висели в воздухе имена. И я думаю: что же это такое? Что это за ненависть была такая? Как она могла извергнуться из себя, из России такой поток имен?! А когда они на кладбище вновь становятся толпой – это так же, как они сходили, сходили, сходили с парохода – в Стамбул. В инобытие».

Думается, что опыт русских людей в эмиграции, их трагическая судьба (судьбы русских людей вне Отчизны) не бывает не трагичной – этот горький опыт очень точно репродуцирует на себе писатель Битов, пытаясь докопаться до истины. В нем отзываются та боль, та печаль, которую чувствовали эти великие невозвращенцы, их семьи. Впрочем, отголосок той боли жив и по-сегодня, даже когда с нами нет Андрея Битова.

Одно из самых важных для русских паломников мест – могила Ивана Бунина и его жены. Вера Николаевна завещала похоронить себя в ногах мужа, это было исполнено и стало своего рода символом ее верности, любви и покорности супругу. Крест, установленный на могиле, сделан по рисунку художника Александра Бенуа.

Писателя не стало в 1953

году. Последние несколько лет его жизни предпринимались попытки уговорить Бунина вернуться на родину. В декабре 1945 г. писатель был приглашен в советское посольство в Париже, где посол А. Богомолов сделал ему такое предложение. В 1946 г. в Париж приехал Константин Симонов, несколько раз встретился с Буниным. После первой встречи (на торжественном вечере с участием посла в Salle de la Mutualité) Вера Николаевна записала в дневнике: «Очень манили к себе. Искушали комфортом, деньгами, но это, пожалуй, даже минус. Ничего не кажется заманчивым, а собственное благополучие рядом с убожеством других – тяжелое существование».

Иван Бунин отказался возвращаться. Кто знает наверняка, почему? Но в своих воспоминаниях Симонов приводит слова Ивана Алексеевича: «Поздно, поздно... Я уже стар, и друзей никого в живых не осталось. Из близких друзей остался один Телешов, да и тот, боюсь, как бы не помер, пока приеду. Боюсь почувствовать себя в пустоте. А заводить новых друзей в этом возрасте поздно. Лучше уж я буду думать обо всех вас, о России – издалека... Но вы должны знать, что 22 июня 1941 года я, написавший все, что я написал до этого, в том числе «Окаянные дни», я по отношению к России и к тем, кто ею ныне правит, навсегда вложил шпагу в ножны, независимо от того, как я поступлю сейчас, здесь ли я остаюсь или уеду».

В свой последний день жизни, 7 ноября 1953 года, Иван Алексеевич читал роман Льва Толстого «Воскресение». Очень символичное чтение для последних дней жизни великого творца...

Сент-Женевьев-де-Буа стал некрополем для Дмитрия Мережковского и его супруги Зинаиды Гиппиус. Мережковский скоропостижно скончался 7 декабря 1941 года от кровоизлияния в мозг. На письменном столе писателя остался лист бумаги с его самыми последними строками: «Я же червь, а не человек, поношение у лю-

дей и презрение в народе. Кутается в темную куколку жалкий червяк, чтобы вылететь из нее ослепительно белой, как солнце, воскресшею бабочкой».

10 декабря состоялось отпевание в православном храме Святого Александра Невского в Париже и похороны. На похоронах присутствовало всего несколько человек...

Могильный памятник, поставленный на средства, со-

бренные французскими издателями, представляет собой белый обелиск, повторяющий контуры византийского православного храма, увенчанный маковкой с «восьмиконечным» православным крестом. В нише обелиска – изображение Пресвятой Троицы с образа Андрея Рублева, которое обрамляет прошение молитвы Господней: «Да придет Царствие Твое».

Зинаида Николаевна пережила мужа на четыре года и похоронена с ним под одним надгробием.

Галлиполийский обелиск, самый большой памятник участникам Белого движения, скончавшимся в 1920-1921 годах во время вынужденного «стояния»

на Галлиполийском полуострове, был возведен в 1921 году неподалеку от турецкого порта Галлиполи (нынешний Гелиболу). Увы, памятник, казавшийся вечным и незыблемым, в 1949 году был непоправимо поврежден землетрясением. Его точная копия (правда, меньших размеров) была установлена в 1961 году на Сент-Женевьев-де-Буа. На памятнике выбиты имена белых генералов Врангеля, Алексеева, Деникина, Дроздовского, Кутепова, Корнилова, Маркова... Добавим, что в 2009 году Галлиполийский обелиск в Гелиболу был восстановлен.

Один из самых известных и необычных памятников установлен на могиле кинорежиссера Андрея Тарковского и его жены Ларисы.

Первоначально на могиле стоял обычный деревянный крест. В 1994 году установили каменное надгробие в виде глыбы с крестом – как символ Голгофы. К вершине ведут семь ступеней – по числу снятых Тарковским фильмов. На надгробии надпись: «Человеку, который увидел ангела».

Отпевание Тарковского проходило в соборе Святого Александра Невского. На церковных ступенях Мстислав Ростропович играл «Сарабанду» Баха. Проститься пришли Галина Вишневская, Владимир Максимов, Марина Влади... Поначалу режиссера похоронили в чужой могиле – у родственников не было возможности выкупить свободное место. Но через год Андрея Тарковского перезахоронили – и средства нашлись, и мэр Сент-Женевьев-де-Буа выделил особое место на кладбище. Лариса Тарковская опла-

тила могилу на 200 лет вперед.

Еще один необычный памятник стоит на могиле легендарного танцовщика и хореографа Рудольфа Нуреева. Художник Paris Opera Энцо Фриджеро придумал надгробие для своего друга в виде ковра-килима, покрывающего могильную плиту. Известный факт: Нуреев не просто коллекционировал ковры и старинный текстиль, но даже возил их с собой на многочис-

ленные гастроли... Приобретение участка на кладбище и изготовление надгробия оплатили друзья Нуреева.

Рудольф Нуреев – один из тех изгнанников, кто успел побывать на родине перед смертью. В ноябре 1987 года он провёл три дня в Уфе – прощался с умирающей матерью. Это был частный, совершенно негубличный визит. А спустя два года Нуреев станцевал на сцене родного Кировского театра. Казалось, все обстоятельства были против: ему был уже 51 год, он недавно пережил утрату близких, страдал от неизлечимой болезни, к тому же ехал с больной ногой, а потом на репетиции порвал мышцу на другой... Но он не мог не приехать. И не мог не выступить. Он хотел проститься – со своими зрителями, со своими друзьями, со своим городом. И был счастлив – несмотря ни на что.

Изгнанники Сент-Женевьев-де-Буа сердцем и душой всегда оставались с родиной. Как писал князь Сергей Евгеньевич Трубецкой, «будет ли наш прах

покоиться в родной земле или на чужбине – я не знаю, но пусть помнят наши дети, что где бы ни были наши могилы, это будут русские могилы, и они будут призывать их к любви и верности России».

Сегодня русский некрополь во Франции ежегодно посещают десятки тысяч человек. Память – жива.

ЧТО ТАКОЕ ВОЗРАСТ?

■ Соб.инф.

Рубен Пашинян – журналист, писатель, актер, режиссер, экскурсовод. Главный редактор журнала «Армения туристическая». Главный редактор английской русской газеты «Англия». Член Союза журналистов Армении, Международной федерации журналистов (IFJ) и Союза театральных деятелей Армении. Член APIA (Authors and Publicists International Association).

В этом году Рубен Пашинян отметил свой юбилей, 50-летие. Мы решили побеседовать с ним в формате экспресс-интервью и представить нашим читателям несколько произведений из нового литературного цикла юбиляра «Мама, мне уже 50».

– Рубен, с места в карьер, что такое возраст?

– Можно я иногда буду отмечать фразами своих персонажей? Они просто намного умнее меня. Возраст – это умение конвертировать боль в созидание.

– А что же такое тогда старость?

– Это когда ты начинаешь ви-

деть людей моложе себя. А они тебя – нет.

– Жестоко, но... увы, правда. У вас так много ипостасей. Кто вы на самом деле? Кем себя считаете?

– Отцом двух замечательных детей. В этом мои предназначение, счастье, мотивация. А если говорить об ипостасях, то – ищущий. Нормальное состояние моей души – поиск. Наиболее депрессивное – через полчаса после окончания презентации, показа, выступления. И именно это дает заряд для нового витка.

– Как вы все успеваете? Вы же, кажется, еще и лидер группы The Rock@Roll Band?

– По природе я очень ленивый человек. Поэтому, чтобы не ходить на работу, я всегда искренне влюбляюсь в то, чем занимаюсь. А люблю всегда безгранично. Безмерно. Это спасает. Порой даже удивляюсь, что мне за мою работу еще и платят. Написал интересную статью или провел тур по любимому городу, сыграл в кино или спел любимый рок-н-ролл, а тебе за это еще и деньги дают. Конечно, это тоже мотивирует. Особенно, когда приходишь к работе профессионально. Порой – такое тоже бывает – без особого рвения. Но при правильно и детально продуманном графике успеть можно все. Спасибо армии и Политехническому институту – воспитали.

– Так вы еще и инженер? Пригодилось ли это вам в творчестве?

– Профессионально – абсолютно никак. Мне и огромному потоку инженеров, окончивших вуз в годы блокады, без какой-либо возможности пройти становление как специалисту, без практики на заводах, фабриках... Почти все сегодня работают в других сферах. Но! Я выбрал Политех по нескольким причинам. Во-первых, всегда любил математику. До сих пор, чтобы мозги окончательно не размякли в потоке сетевой ереси – рекомендую всем! – решаю математические задачи. Во-вторых, это был ближайший вуз от любимого Камерного театра, позже подписавшего мою путевку в жизнь. Ну и в-третьих, было с кого брать пример: почти

весь основной состав Мужского клуба, он же позже Камерный театр, – выпускники этого вуза. Точнее, сборная КВН ЕрПИ «Дама Пик». Политех очень помог в организации, точнее, реорганизации моего подхода к творчеству. Пишу с малых лет – кстати, в последнем сборнике есть вещи, которые я считал безвозвратно сожженными или разорванными в клочья, но мама, как выясняется, их каким-то образом спасла и сохранила. Так вот, техническое мышление, а потом и журналистика, с которой я перманентно изменял театру, очистили мозг, язык и перо от балласта. Даже по кино можно определить: какое снимал режиссер-гуманист, а какое – режиссер-инженер. У последнего каждый кадр имеет свое предназначение, есть сухая четкость. Порой в ущерб чувственности, эмоциональному фактору.

– В Лондоне состоялся показ вашего фильма и презентация сборника. Потом вы провели такое же мероприятие в Тбилиси. Расскажите об этом.

– Мероприятие в Лондоне отличалось тем, что фрагменты из сборника, к моему удивлению, читал не я, а русскоязычные поэты и писатели Великобритании. И там, и в Тбилиси был показан фильм «Сынок, а где Евфрат?», снятый на основе моего одноименного рассказа. Фильм создан к 100-летию Геноцида армян и удостоился ряда призов. Среди них «Будущее без геноцида» МКФ «Ролан» и «Лучшая мужская роль» Кинофестиваля короткого метра Ялты, врученный исполнителю главной роли, известному актеру, Заслуженному артисту Армении Вигену Степаняну. Что интересно, это единственный фильм о геноциде, который не заканчивается слезой, грустью, скорбью и дудком. Фильм имеет более чем жизнеутверждающий конец – в финале праздничное застолье и танец. Но! Везде, где показывал, люди... плачут. Почему? Каким-то образом, к моему великому сожалению, я попал в то «яблочко», о котором и не подозревал. Точнее, и мир не мог представить, что диалог, звучащий в доминанте фильма, окажется столь пророческим.

«Нас заставили сделать чужую родину своей, нас не спрашивали, нас убивали!» – говорит американский старик-армянин, бежавший от геноцида. – «А у нас сегодня во главе страны мразь и серость, которые диктуют нам свои правила жизни. И мы вынуждены бежать от такой жизни. Мы лишены возможности жить в любимой стране. В стране своих предков!» – отвечает молодой человек из Армении. – «Разумеется, лучший выход в такой ситуации – бежать. Отдать страну «серости и мерзости». А что ты сделал для своей страны, что сегодня требуешь от нее хорошей жизни?» – парирует старик. И этот диалог завязывается, углубляется и моментально попадает в сердце практически всем зрителям. Я не знаю сегодня стран, где этот текст не был бы актуальным. Увы...

– Что планируете в ближайшем будущем?

– Показ фильма по диаспорам, по разным странам. В рамках творческого вечера, с чтением миниатюр из новых книг. Если получится и будет благосклонность приглашающей стороны, с радостью вновь покажу фильм в Тбилиси, поскольку в последний раз его увидело всего 50 человек. Думаю, стоит вынести на более широкую аудиторию. Буду продолжать знакомить гостей с моей дорогой Арменией в рамках авторских туров. Писать статьи, книги и, конечно, исполнять мой любимый рок-н-ролл. Счастье!

– А что такое счастье?

– Счастье – это, когда тебе есть с кем им поделиться.

– Любовь?

– Любовь – это... невозможность закончить эту фразу.

– Ну и напоследок. Есть ли в вашем поиске, в вашей позитивности что-то, что может вас и радовать, и сердить одновременно?

– Зависть себе сегодняшнему. Отвратительное чувство до одурения, угнетающее, парализующее. Спасает лишь детально выстроенная мотивация завидовать себе завтрашнему. То есть чудо. И это не может не радовать!

МАМА, МНЕ УЖЕ 50

Миниатюры

■ Рубен ПАШИНЯН

ПЛАЧУЩИЙ КЛОУН

– Здравствуйте, вы кто?

– Клоун.

– Спасибо, до свидания.

– Нет, вы меня не так поняли: я – плачущий клоун.

– Софиты сюда! Да, да, на меня... что вы сказали?

– Я...

– Ну что ты делаешь – я говорю, на меня... так, спасибо, до свидания... а-а, нет, стойте! Сема, давай на него! На всего! Чего? Ну, я не знаю, как они называются... ну, в общем, чтоб он весь... э-э-э, стойте. Так – хорош! Простите, что вы сказали?

– Я говорю, вы меня не так поняли. Я – плачущий клоун!

– То есть? А! Вы работаете дуэтом, вместе со смешным? Нет, вы знаете, у меня только одно место.

– Я один работаю. Я один... Я – всегда один!.. Вот так, бывало, выйдешь на арену и чувствуешь: Боже, как же я одинок! А вокруг столько глаз... Кто сочувствует, кто молчит, кто чего-то ждет! А чего от меня ждать? Что можно вообще ожидать от одинокого человека?! Я вас спрашиваю – что?! Разве я виноват, что мне не повезло? Разве кто-то виноват, что кому-то не повезло?! Вот вам повезло? Молчите... По глазам вижу, что нет! Ежедневная нервотрепка, постоянные неурядицы, Сема идиот... Он ведь идиот?! Сема, ты слышишь? Ты – идиот, тебе не повезло! Сема, слезай к нам! Что ты там торчишь?!

А эти надоедливые, нудные репетиции?.. А эти постоянные недовольства?.. А эти нескончаемые очереди и тот же идиотский вопрос: «Нет ли лишнего билетика? Нет ли лишнего билетика?!»... Ну разве это жизнь?! Чего вы молчите?.. Вам нечего сказать! Потому что вам не повезло! И вы это знаете!

Но вы, как гладиатор – да что там, как титан, – бросаетесь в эту заглывающую пучину бытовых, но, черт побери, приятных, ну, признайтесь – приятных обязанностей! Вы, как исполин, держите

на своих хрупких помрежевских плечах всю эту махину, и она работает! Кто вы такой? Да вы герой! И Сема – герой! Ведь он герой? Сема, ты герой! Ты молодец! Я люблю, да что там я – мы все тебя любим! Не спускайся сюда – не отвлекайся.

Да вы все тут – молодцы! Все – от тигра до униформиста! Вы все!!!

Но ведь согласитесь: в то же время каждый из вас и несчастен по-своему?.. Наступает вечер, и вы все – каждый поодиночке – приходите домой. Уставшие, полуголодные, издерганные... Дома вас не понимают, дома – ссоры, денег нет, долги есть, есть нечего, нечего надеть, и все это сразу – хоп, и на ваши плечи!.. И вы кричите: «Боже, как же я одинок! Что мне делать? Что?!?»...

Что с вами? Что с вами?! Сема, ты как? Да вы что? Успокойтесь! Я же пошутил! Я же клоун. Просто я... плачущий клоун... Это была шутка – аллегория! Вам что, не понравилось?

– Шутка, говоришь? Да знаешь, кто ты? Какой ты клоун... Ты... ты!..

– Вы знаете, у меня просто концовка еще не проработана. Вы понимаете, просто вот никак руки, что ли, не доходят. Но вы ведь мне поможете – правда, вы

ведь поможете мне? Ты поможешь мне, помрешь?! Ну, скажи, скажи, что поможешь! Сема!.. Друг!.. Я тебя не вижу!.. Но ведь ты тоже поможешь?! Вы ведь все мне поможете?! Люди!!! Ну разве я виноват, что у меня нету концовки?! Разве кто-то виноват, что у кого-то нету концовки?! А-а-а!!! Что вы делаете?! Куда вы меня несете? Люди!!! Что вы делаете? Вы же – молодцы!!! Вы же все герои!!! Все!!! Я это знаю!!! Я могу это доказать!!! Всем – от тигра до униформиста!!! Что вы делаете?! Ай!!! Нет, только не это – прошу вас!!! Давайте начнем с униформиста!!! Ну разве тигр виноват, что мне не повезло?! Разве он виноват, что у меня нет концовки?! Ай!!! Сема!!! Друг!!! Не направляй сюда свет – не зли хищника!!! Разве он.....!!!

ОКЕАН

Они каждый день приходили сюда и... смотрели.

Они уже никого не ждали – они просто смотрели.

Старик, женщина и ребенок.

Он пытался заигрывать с ними, подкатывая волны к их ногам...

Они не обращали на него внимания.

Он подлизывался, жеманничал, нашептывал что-то... Они не слушали его.

Он отнял у них все – любовь, покой, радость... сына, мужа и отца.

Он проглотил их счастье, как огромная рыба маленькую... как бы даже не заметив.

Взамен – подарил нищету, голод, холод, одиночество, вдовство и сиротство.

Он думал, что откупился от них.

Но они каждый день приходили сюда и... смотрели.

КАК КУШАТЬ СУХОФРУКТ?

Армения. Татевский монастырь. Лето. Жара страшная.

Вдоль дороги, ведущей к храму, стоят бабушки, продают сухофрукты, разные сладости, вино и т.п.

Жара убивает. Продавщицы стоят с раннего утра, они все черные от загара. Они ненавидят все: и это мерзкое солнце, и пустобрехов-туристов, которым тем не менее приветливо улыбают-

ся, и даже этот храм, и вообще всех на свете. Туристы подходят, спрашивают, часами выбирают, пробуют, потом из десяти человек двое что-то покупают или нет... Но всем надо рассказать, показать, ответить на жуткие важные вопросы. Такова специфика работы. И при этом надо быть доброжелательным, предлагать попробовать свой товар «за так» – авось удача улыбнется. И они, несчастные, улыбаются. Стоят, терпят...

Я прохожу мимо, меня сладости не интересуют, уверенно направляюсь к автобусу. Но случайно краешком уха цепляюсь за фразу, точнее диалог, между туристкой из Польши и одной из окончательно замученных солнцем бабушек: их беседа вызывает у меня легкую форму истерического хохота.

Полька задает феноменальный по своей космической глупости вопрос, на что моментально получает не менее бессмысленный, прямой, но совершенно адекватный тупости вопроса четкий ответ:

– Простите, а как надо кушать этот сухофрукт? – спрашивает гостья.

Наша, пристально глядя в глаза гостье:

– Как сухой фрукт!

КАК УЕХАТЬ ИЗ ТБИЛИСИ?

Тбилиси долго не принимал меня.

И это чувство было взаимным. Чужеродность. Отторжение. Негатив.

Ну не по себе тут было как-то, хотелось поскорее убежать.

Может, потому что приезжал сюда пьяным? А Тбилиси это очень не нравилось: ведь надо пьянеть тут, и от вина – в последнюю очередь.

А потом приехал с любовью, и Тбилиси это понравилось – сначала с детьми, потом с любимой женщиной.

Тбилиси принял и притянул, впустил и не отпустил. Манит, зовет, светит хрусталиком воспоминаний где-то вдалеке, в горах, и я иду, еду, точнее – лечу к нему.

Мой Тбилиси... Кстати, он ревнивый. Если начать уделять больше внимания в нем кому-то или чему-то кроме него, то он непременно ответит холодом. Может даже отвернуться...

Не поступайте так с ним: ну

не выносит он, когда кто-то становится большим эпицентром, чем он. Тбилисцы – точная копия своего города. Параджанов перед приходом к ним в гости Высоцкого говорил: «Если он начнет петь свои песни, я выброшусь из окна!»

...Уже третий день не могу уехать из Тбилиси... Ну вот не могу и все. Постоянно откладываю отъезд, что-то выдумываю, оправдываюсь. А на самом деле мысль о том, что вечером не смогу прогуляться по Сололаки, сводит с ума. Что буду где-то далеко, в то время как солнце осветит кроны деревьев на Руставели, мои дорогие дворики, лестницы, лица, глаза, улыбки... Что мой пульс будет биться где-то удаленно, в шести часах езды или часа полета. А на самом деле в секунде: воспоминаний, чувств. Как же этого не хочется...

Говорят, надо бросить монетку в фонтан, чтобы вернуться. Тбилиси не надо платить: достаточно подарить ему частичку своей души – остальное он сделает сам. Поверьте.

Сердце Тбилиси... Пускай в нем всегда царят гармония и спокойствие – от мысли, что у всех, кого он любит, все хорошо!

Прощание с Тбилиси напоминает выход из интернета. В общем-то, понимаешь, что делать уже нечего, все вроде уже посмотрел. Но уходить как-то не хочется... Ну еще минуту!

Прощание с Тбилиси напоминает утреннее общение с будильником. Раз десять представляешь на пять минут вперед, пока наконец не решишься окончательно проснуться и встать. От безысходности. Но почему?..

А в перерывах смотришь на часы и говоришь: «Ух, еще целый час!», «Полчаса», «Еще целых пять минут – успею!»

Успею – что? Сбежать до парка Ваке или до улицы Табидзе? Пробежать по Старому городу, хотя бы до Театра кукол? Или может спуститься пешком с Нарикалы, чтобы, скатываясь по Амаглеба, Асатиани, заскакать в дворики, заглядывать в глаза? Чтобы еще раз запомнить, чтобы не отдавать, взять с собой...

Невозможно из этого города уехать. Потому что это не просто город! А один из видов тебя – найденный тут, одна из твоих лучших версий. А от себя не убежишь...

И не пытайся!

ПОД НЕБОМ ТБИЛИСИ

Анаида ГАЛУСТЯН

Бывает, прицепится одна мелодия и крутится в голове, не отставая, звучит, заставляет напевать с утра до ночи, а иногда становится фоном какого-то эпизода из жизни и звучит долго-долго. Например, целую неделю, как это было со мной. Песня известная, французская – «Под небом Парижа». А началось все с того, что ко мне в окно, вернее, в форточку в ванной, заглянул француз, улыбнулся и сказал: «Salut!» Я живу на третьем этаже, если что. Выглянула из кухонного окна, вижу – «вышка», а на ней уже двое стоят, машут и кричат «Salut!» Нас, конечно, предупреждали, что скоро на стене дома появится интересный рисунок, но когда конкретно это начнется,

мы не знали. Сначала долго не соглашались, я не представляла на старом доме граффити,

а потом нам показали эскиз, созданный во Франции, и мы подумали: «Почему бы и нет?» Стена давно в плачевном состоянии, и никому до нее нет дела – пусть станет необычной и интересной! И в сто лет можно засиять новыми красками и привлечь к себе внимание. Но того, что будут работать два молодых и довольно известных в разных странах художника, мы не знали. Они не одни приехали оживлять дома нашего города – это был фестиваль граффити с приглашенными художниками из разных стран. Для старого города выбирались самые опытные, имеющие специальное высшее образование, и общение с ними, которое завязалось как-то сразу, принесло нам радость, огромное удовольствие, тепло, свет и понимание того, что страны и культуры могут быть разными, а ценности у всех одни – внимание, разговор по душам, песня, смех, дружба, любовь, семья, мир, война, тревога...

Я переживаю, когда они висят за окном под палящим солнцем, выглядываю и спрашиваю, как они там, нужно ли что-нибудь, а каждое утро у нас начинается с кофе, вкусностей и разговора о том о сем. Для них хочется печь и готовить, им хочется рассказывать. Не все люди вызывают у меня такое желание...

– О, какой у вас вкусный кофе! Это что за выпечка такая необыкновенная? Как? Гата? Корица, кардамон... Очень вкусно! Это грузинское? Армянское? Вы грузинка?

– Я армянка, как Шарль Азнавур. А муж – грузин.

– О, Шарль Азнавур! Великий человек!

– Да, великий.

– Да... Это классика.

– Эти люди принадлежат всему миру.

– Да... Можно мы будем оставлять у вас эскизы, чтобы не таскать туда-сюда?

– Конечно! Оставляйте все, что хотите, можете заходить без стука, как это было принято когда-то в Тбилиси!

Они, конечно, стучатся, оставляют обувь в коридоре, несмотря на мои просьбы не разуваться, и общение перемещается в дом. Подключается Анка, которая с 4 лет изучала французский, окончила французскую школу, жила в Нанте во французской семье с «папой» Пьером, «мамой» Розлин, «братом» Антуаном и «сестрой» Клэр и ходила с ними в школу.

Наши художники в восторге:

– Мы не ожидали услышать здесь такой прекрасный французский акцент!

Мы смотрим фотографии ее поездки в Париж – а они оба парижане – ребята узнают все места, рассказывают, радуются – им приятно. Родное есть родное.

– Знаете, мои первые французские детские книги – о Козетте и Гавроше! Как я их любила, как жалела! Потом я открыла для себя всего Гюго, Дюма, дальше – Стендаля, Золя, Дрюона, Мопассана... Родители запрещали, говорили, что еще рано это читать, но мне нравилась французская литература. Если попаду в Париж, мне кажется, я узнаю улицы – так ясно все себе представляла! И язык очень красивый! Я не выучила его, но детей отдала во французскую школу.

– А где ваш сын?

– Работает в Армении. Я так тоскую... Вот, должен приехать, я жду, но не очень радуюсь, потому что всего на три дня...

– Вы знаете, – говорит тот, что постарше, Луи, – я вдруг понял, почему при встрече с родителями отец радуется, а мама грустит... И у меня есть сын, ему 4 года, а я уже думаю: когда он так вырос?

– Наши дети уже самостоятельные, хотят уехать, жить своей жизнью. Мы понимаем, что это нормально, но такое чувство одиночества навалилось...

– Куплю маме какой-нибудь грузинский сувенир, – говорит второй, Эдуард, – она радуется

таким простым вещам...

– Как вкусно вы готовите! Это как называется? Хачапури? Очень вкусно! А это? Толма? С мясом? Он поест, а я вегетарианец. Мне нравится, как вы относитесь к животным, по этому отношению я оцениваю, люблю или не люблю людей. Вы тоже? Мы похожи!

– Ооооо, вы приготовили для меня вегетарианские блюда? Как вас отблагодарить? Когда вы будете в Париже, я буду готовить для вас!

– И что вы приготовите для меня? – Они перечисляют красивые французские названия блюд, узнаю только слова «сыр» и «лягушка».

– Красиво звучит! Люблю сыры, а лягушек я ела в Сингапуре.

– Наши вкуснее! Мы еще вас улиткам накормим!

– Мне жаль, что вы нигде не бываете и видите только «Фабрику» и нашу стену! Вот вы знаете, что значит слово «Тбилиси»?

И тут меня несет – легенда, бани, фаэтоны, кинто, верблюды, фонарики, многонациональные дворы, Ханума, свадьбы, соседи... Они слушают с таким интересом, впитывают каждое слово, чувствуют, понимают, принимают, раскрывают нашему городу объятия, душу...

– Как все интересно, какая красивая легенда с птицей! И очень подходит тбилисским людям! И сердце у вас теплое, и дом, и город! А правда, какие здесь зимы? Наверное, совсем не холодно. Не подходит Тбилиси холод...

– В Старом городе надо гулять пешком...

– Да, но мы так поздно заканчиваем, только успеваем к вам заскочить – и то, в таком виде!

– Это очень романтично!

Смех на весь дом, хороший, залихватский.

– Поверьте, мы и в лучшем виде ходим в гости!

– Какая разница, в каком виде! Вы католики? Когда у вас брейк? Сбегаем в католический храм, вам будет очень интересно!

И мы бежим. Им нравится, конечно, фотографируют, спрашивают о немцах. Рассказываю, как они появились в Грузии

и сколько сделали для города.

– Дом, на котором вы рисуете, тоже немецкий...

Успеваем осмотреть несколько домов. Потом они опять на «вышке», а я за окном.

– Зовите, ребята, если что-то понадобится.

– Но они стесняются звать, и я выглядываю снова и снова, чтобы узнать, как они там, под небом Тбилиси.

– И вот они снова сидят у нас, аккуратно, ножом и вилочкой, нарезают фрукты и интересуются историей моей семьи, геноцидом армян, тем, как складывались судьбы выживших людей.

– Есть французский режиссер Анри Верней, он армянин – Анри Малакян.

– Я знаю скрипача Маликяна, он гениальный!

– Гениальный и сумасшедший!

– Так вот, у Вернея есть фильм «Майрик» – о судьбе выживших во время геноцида армян и их дальнейшей жизни во Франции.

– Это очень интересно, я обязательно посмотрю, – говорит Луи, очень тонкий, любознательный, внимательный и чуткий человек, манеры которого я никогда не забуду.

Идет проливной дождь, Луи и Эдуард висят за окном, «вышка» гудит уже шестой день, рисунок приобретает завершенность.

– Ребята, вы промокли! – выглядываю я.

– Мы привыкли! Не бойтесь, рисунок не сотрется!

– Я боюсь за вас!

Внизу стоит машина с их куратором. Решают спустить ребят, хоть времени и в обрез, через день им улетать. Сажают в машину, не двигаются с места, ждут. Дождь льет все сильнее, мы всей семьей переживаем, зовем их вместе с куратором в дом. Они мокрые с головы до пят. Нахожу одежду сына, заставляю их переодеться – они уже знают, где ванная, где кухня, остальная часть дома их не интересует.

– Уже виден весь рисунок. Вы сами придумываете сюжеты? Что это значит? Что вы нам оставляете на память?

– Если коротко, то это твор-

ческий человек – вы его видите в центре – и его мысли в образе птиц.

– О, это немножко обо мне!

– Мы тоже так подумали и рады, что вам нравится!

– Мне очень нравится. Вы оставили на нашем доме часть вашей фантазии и вашей души. Когда вы вернетесь сюда, как туристы, вы нас сразу найдете, правда?

– Конечно!

– Я посмотрела ваши работы в инстаграме, они все интересные. Как вы любите птиц!

– И обезьян, – смеется Луи.

– Наш тандем так и называется – MonkeyBird.

Последнее утро, завершающие штрихи, прощальный кофе.

– Вы никуда не пойдете, не поедете, у вас еще есть полдень?

– Обещали банкет для всех.

– Знаете что? Мы успеем посмотреть Мцхета – первую столицу Грузии и монастырь Джвари. Хотите?

– Очень хотим, мерси боку! Только помоемся и переоденемся!

И вот мы наверху, у Джвари, под золотыми лучами уходящего солнца с одной стороны и уже яркой луной – с другой. Вечер невероятно теплый, мягкорозовый, бархатный и свежий. Красота пейзажей, слияние рек, вид на Мцхета, история заставила моих говорливых друзей замолчать и долго любоваться. Я стояла рядом и чувствовала, как они наполняются новыми

впечатлениями и как влюбляются во все это, и мне было хорошо...

Мы прощаемся тепло и долго.

– Вы знаете, – говорю я, – у меня было много разных встреч и знакомств – на улицах, выставках, перронах, самолетах, но чтобы в окне – это впервые!

– Окно в ванной, не забудьте, – подхватывают они, – и майка на дверце форточки!

Это Анка придумала такую занавеску.

– Как такое забудешь – французы в форточке в ванной! Это кинофильм! Я даже ночью смотрю, нет ли там вас!

Все смеются и немного грустят, как это обычно бывает при прощании.

– Мы еще увидимся, обязательно, мы вернемся! А вы, как будете в Париже, сразу нам звоните! Спасибо за все, за все! Мы вас любим!

– Это вам спасибо! Мы будем скучать и вспоминать.

Чудеса случаются, наверное, под любым небом. Просто под небом Тбилиси ничему не удивляются – такой у нас город, немного сумасшедший, немного романтичный, со своими ранами и болячками, но всегда готовый принять, обнять и приласкать своего или чужого, выслушать, облегчить страдания, рассмешить, остаться в памяти, в сердце и породниться навсегда.

ИСТИНА ВНЕ СПОРА

■ Михаил ЛЯШЕНКО

*Могла ли я не стать поэтом?
Наверно, нет.
Годов с пяти
Зимю пела песни лету,
Бросая в елку конфетти.*

Так напишет о себе Марина Чачуа, публикующаяся под псевдонимом Ламар, много лет спустя после своего дошкольного домашнего дебюта, находясь уже в поре творческой зрелости и, тем не менее, в неутомимом поиске. И не только в области стихотворной – творческие ипостаси этого автора заслуживают перечисления. А это и проза самых различных жанров: фантастика, детектив, мелодрама, триллер, психологический реализм, публиковавшаяся в местной профильной периодике, в альманахе «На холмах Грузии» и журнале «Подруга». И опыты в драматургии, увенчавшиеся победой в литературном конкурсе под эгидой «Русского клуба» в номинации «Драматургия» (2011).

Хорошо дается Марине Ламар и стихотворный перевод, что не прошло незамеченным – Марина стала призером конкурса, проведенного фондом Б.Н. Ельцина за лучший перевод с национального языка на русский (в номинации «Молодое перо», 2008). А помимо публикаций в различных местных и российских изданиях, переводы ее вошли в «Антологию новой грузинской поэзии» (М. ОГИ, 2014). Упомянем и работу в журналистике.

Но сузим наше внимание до собственно стихотворного творчества. Однако и тут мы обнаружим неутомимое экспериментаторство и широкий диапазон исканий. Так второй авторский сборник с недвусмысленным названием «Грани» (2008) включал стихи традиционной формы, различные варианты верлибра, цикл сонетов и радикальные эксперименты, продолжающие опыты русского авангарда. Словом, сборник этюдов, все еще актуального постмодернизма, на фоне нашего местного устойчивого традиционализма.

Третья книга – «Цепи свободы» (2017) вместила как оригинальные стихи, так и переводные, а еще и прозу, и драматургию. Есть у автора и внушительные по объему и содержанию поэмы, где поднимаются ключевые вопросы бытия и вечности, притом, опять же, в весьма оригинальной форме, как «Истина вне спора» или «Космическая пыль».

Не забудем и первую авторскую книжку со знаковым названием «Я слышу мысль» (2002), включившую ранние тексты. И мысль там, действительно, слышна, а особенно приятно удивила попытка совсем тогда молодой девушки постичь, говоря словами Осипа Мандельштама, «место человека во вселенной». И этот интерес пунктирно пронизывает все последующее творчество Марины.

*Да я живу красиво... как бы,
Но надо мной имеет власть
Неописуемая жажда
Почти глобальных перемен.*

И эта неженская забота, прихотливо перевиваясь с сугубо женскими «плачами», обнажает конфликт идеала с реальностью, а романтический космизм юности со временем обнаруживает черты резкого социального скепсиса, чего нынешний социум, согласимся, сполна заслуживает.

*А за ширмой другая ширма,
Список фобий, свобода лжи,
Мимолетная пантомима
И подстриженные ежи.
Масса грима поверх*

*гримасы,
Куча масок поверх лица.
А из уст не слова, а ляды,
Преснопение без конца.*

Сравним эту горечь с ранними чаяниями автора, с чувством предназначения молодого человека, расслышавшего в себе поэта:

*Моя душа дана мне для
мечты,
Стремленья к чувствам,
знаниям и Богу,
Для поиска вселенской
красоты.*

И, тем не менее, в предлагаемой публикации, составленной преимущественно из традиционных, и не только, стихотворений нескольких последних лет, найдем и стоическое отношение к неприглядной повседневности, замешанное на опыте и мудром отношении к жизни, иронию, светлые живописные тона и ее верность предназначению:

*Истина тиха.
Она вела меня по кочкам,
По каменистым берегам,
Не позволяя ставить точку...
Хотя я много раз могла...*

P.S. Перечислить неупомянутые публикации автора и знаки признания сложно – сухой перечень их займет целую журнальную страницу, так что ограничимся упоминанием ведущих российских журналов, таких как «Юность», «Звезда», «Пролог», «Дети Ра», сетевой альманах «45-я параллель», участие в Международном поэтическом фестивале, организованном «Русским клубом» (2009 г.), или в Международном Форуме молодых писателей...

ПРОСТЫЕ ШТРИХИ СУДЬБЫ

■ Марина ЛАМАР (Чачуа)

Всегда есть шанс:
уйти, успеть(,) вернуться;
сбежать, сойти, взобраться, соскочить;
дойти до грани, выйти, поскользнуться;
при переезде выбросить ключи.
Всегда есть шанс:
увидеть небо звездным,
понять себя и глянуть с высоты;
все рассмотреть легко, с умом, свободно
и не забыть, что мы с Тобой на «ты».

Свечка таяла на столе,
Освещая кусок пространства:
Пару чашек, тарелку, хлеб,
Зажигалку, блокнот, лекарства.

Сколько нужного вроде бы...
Полутоново в полутени –
Как простые штрихи судьбы –
Непростой и, как вещи, брэнной.

Свечку время пришло тушить –
Свет возник, озарив собою
Приглушенную бытом жизнь,
Не зовущую больше к бою.

Стол, окно, телевизор, дверь,
Пара кресел, диван, кушетка.
Ночь снаружи полна химер,
И гранатов полно на ветках.

Город тихо ложится спать,
Змеи трасс пересекают горы.
Белых точек на карте – рать,
Обрамленная синим морем.

Полушарие в темноте,
Шар земной продолжает падать.
В окруженье небесных тел
Ищет рая, а может, ада.

Свечка убрана. Комп включен.
Пусть за окнами лай собачий,
Рассказать пора. Есть о чем.
Под заглавием «Мир на сдачу».

Из цикла «ШТРИХИ»

Этот мир оставляет меня
не затем, чтобы кануть в Лету –
ни к чему ему это.
Он уходит в пустыню Бога,
чтобы в ней, подобно песчинке,
выжить и замереть,
сотворяя узор миража –
воплощение будущей яви.

Кто бы ни...
Где бы ни...
Как бы ни...
Вот бы так, слово к слову, по кругу,
идущему с делом вразрез.
И лишним становишься ты,
как выкрик мажора в минорных
конвульсиях нот для смычка.

Из КОЛЬЦА СОНЕТОВ

На лоне образцовых обещаний
Цвели мечты и бились, как стекло,
Давая мне понять, что значит зло,
А я в ответ лишь хлопала ушами.

Вокруг купцы и «новые» мещане,
Которым в чем-то больше повезло.
Метелью эти души замело
И завалило модными вещами.

На Гамлета вопрос отвечу «быть»,
Но где? и как? – уже другая песня.
Печаль свою мне надо разлюбить.

И если жизнь хотя бы подмигнет,
Я вырулю, добыюсь чего-то, честно.
Я знаю, как взлетает самолет.

Я знаю, как взлетает самолет.
Как падает, наверно, тоже знаю,
И потому пока что не взлетаю.
Желает сердце, мается, но ждет,

Когда придет мой час, мой день, мой год;
Синицу ждет и журавля, и стаю.
Наивно ждет и силы обретает
В пучине многопрофильных забот.

Мешает что-то действовать смелей.
Возможно, страх, вампирящий свободу,
Таящий мой отказ от журавлей.

Но мне уже никак нельзя назад.
Не стану делать что-либо в угоду
Толпе, что жаждет видеть маскарад.

нищий сидит
у баннера с рекламой
рука протянута
прохожие проходят
а на щите размашисто-призывно
краснеет слоган в золоте монет:
«Мы защитим вас
и ваши вклады!»

В НОМЕРЕ

Что значит мое небо подо мной?..
Летающий жест спешит застыть в искусстве.
Я где-то над... и где-то под Москвой,
Под простенькой, почти банальной люстрой.
Гуляет миф о прошлом не моем,

Хрусталь берез печаль обожествляет.
Приснилась брешь, оставленная днем,
И память о чужом родимом крае.
Мечта в квадрате... Зеркало в углу,
И в бежестности дремлют занавески.
Я сброшу слезы, душу оголю
По-новому, по-взрослому, по-детски.

Скользят машины, фарами сверкая,
Вдоль набережной стелется туман,
Спортсмен бежит, летит по небу стая,
Огни томятся в крашенных домах.
Слоится вечер, дразнит фонарями,
Случайный ветер просится в рукав...
Хочу сказать о горьких чувствах прямо,
Но не могу, прости меня, никак.

Душа приватизировала ночь,
Туман, как плед, набросила, запела
Про вечность ограненного предела
И праздное желание помочь

Ну хоть кому. Неважно. Просто так
Прийти фантомом к страждущим и слабым,
И, чудо сотворив, уйти без славы,
Оставив лишь небесной воли знак.

Слова у песни кончились к утру,
Никто не ждал душевных излияний.
Но на волне благих воспоминаний
Душа решила выдумать игру –

Она хотела большего от тела,
Но тело только завтракать хотело.

прошлое
прошедшее
минувшее
былое...
сколько наслоений
на ушедшем слое
сколько слов о бывшем
и пережитом
снова
вновь и
заново
стоны не о том
было или было бы
важно ли теперь?
(если или если бы
приоткрылась дверь...)
что сейчас?
себе назло раны бередить?
или дальше продолжать
быть (или не быть)?

Уже не считаю нужным
тебя оправдывать;

уже не считаю нужным
тебя любить;
уже не считаю нужным
тебя обманывать;
уже не считаю нужным
тебя корить.
Уже не считаю нужным
тебя.

Удалю-ка тебя дэлетом,
В одночасье стерев все файлы.
Это сделать могла бы летом,
Чтобы ты оставался тайной.
Но, увы, прочитала коды,
Разгадала пароли мая
И на сайте своей свободы
Обозначила клик «жива я!»

Вагоны товарного поезда
молча мрачнели,
глядя на глянец снующих мимо
вагонов метро.

Путь – род мужской.
Дорога – женский род.
Неудивительно, что
Всюду остановки.

Разлюби,
и ненависть пройдет.

Забываю тебя, забываю.
Нет, на память не жалеюся я.

А ведь ты странная.
И привычка у тебя такая же – проходить мимо.
Тиха и до жути невзрачна,
А иногда шокируешь
Неожиданно, вскользь,
Случайно,
Роняешь меня нечаянно,
Толкаешь в спину.
И тут же подножку...
Порой доводишь до хохота,
А следом – до слез.
И ведь надо тебя терпеть
Такою, с тяжелым характером
И с манерой немой,
Насмешливо-убедительной
Доказывать правоту.
До чего же ты странная, жизнь...

ЕЩЕ РАЗ О ЛЮБВИ

■ **Нина МАЗУР**

На театральной карте мира есть множество фестивалей, и судьбы их различны. Одни вспыхивают, как фейерверки, и быстро гаснут; другие, как звезды, шлют свой ровный свет сквозь годы. У Международного фестиваля-лаборатории камерных театров и спектаклей малых форм «Молдфест» есть свое, уникальное место в этом сонме звезд. Каждый посетивший его, гость или участник, эксперт или зритель, начинает по-особому к нему относиться: так, словно этот фестиваль – часть его личной биографии.

Отчего так происходит?

Возможно, причина таится в личности создателя Театра с улицы Роз и фестиваля «Молдфест» Юрия Хармелина (его уже нет с нами). Возможно, в талантливости тех, кто продолжает его дело. Возможно, в уникальной атмосфере, царящей в маленьком здании на окраине Кишинева, которое способно вместить так много красоты и преданности делу... Возможно...

Впрочем, нужно ли объяснять тайну?

XIII «Молдфест» собрал артистов из Казахстана и Киргизии, Косово и Македонии, Азербайджана и США, Израиля и Молдовы... По три спектакля в день. А еще – мастер-классы и экскурсии. А еще – ежедневные обсуждения спектаклей экспертами, приглашенными из Канады, Германии, Турции и Кипра. Полифония культур и языков (сам Театр с улицы Роз работает на русском) никого не смущала и не мешала пониманию.

Что ж, выберем несколько спектаклей фестивальной программы и поговорим о них.

Наталья Паладий, актриса Гагаузского Национального Театра им. Д. Танасоглу, в авторском моноспектакле «Жизнь поэтов... Жизнь в любви» обратилась к русской поэзии Серебряного века. Перед нами не литературно-музыкальная композиция, а полноценный театральный спектакль. Анна Ахматова и Марина Цветаева, Борис Пастернак и Осип Мандельштам... Тринадцать образов, тринадцать портретов. Мгновенное перевоплощение. Кажется, если есть в зале зритель, равнодушный к поэзии, он выйдет отсюда другим – так нежно, влюбленно и самоотверженно прикасается актриса к звенящим струнам стихов.

В спектакле Молодежного театра из Темиртау (Казахстан) «Спасти камер-юнкера Пушкина» (режиссер А. Чупин) тоже возникает тема поэзии, но уже в ином ключе. Герой пьесы Михаила Хейфеца с детских лет не понимал, кому и зачем «этот Пушкин» нужен. Разве что затем, чтобы заставляя учить его стихи наизусть. Но время шло, Миша Петунин вырос, его любимая девушка восхищалась поэтом и сожалела о его гибели, так что пришлось нашему герою

«Жизнь поэтов... Жизнь в любви»

вместе с нею придумывать, как можно было бы спасти Пушкина от смертельной дуэли. Наверно, заслонить его собой от пули... Так Пушкин незаметно вошел в жизнь Михаила. Только вот спасти парня великий поэт не смог – убили Мишу в «лихие 90-тые» его «друзки». Доверительно и честно рассказывает нам актер Олег Керимов о перипетиях Мишиной жизни и судьбы, причудливо сплетенной с именем Пушкина. Пронзительная исповедь и неожиданный для зрителей финал: оказывается, герой вел свой рассказ из небытия, и он уходит туда... в пальто и цилиндре Пушкина.

Американка Хизер Месси в авторском моноспектакле «Хеди Ламарр» знакомит публику с гениальной голливудской красавицей – актрисой, которая в годы Второй мировой

«Кармен»

войны изобрела беспроводной интернет. Хизер сама написала текст пьесы; спектакль, не погружаясь в глубины психологии героини, тем не менее имеет яркий визуальный ряд, успешно решает просветительскую задачу и нравится зрителям.

«Я расскажу вам об Эдит Пиаф», – говорит актриса Бишкекского городского драмтеатра им. А. Умуралиева Накинай Дыйканова. Она сознательно дистанцируется от Пиаф (и задумка российского режиссера А. Панина была именно такова), но порой невольно становится ею. Песни Эдит звучат на французском языке в великолепном живом исполнении Накинай; ее глаза так выразительны, и чувства так подлинны... Спектакль называется «Я – Эдит Пиаф» – именно так начинаются опубликованные мемуары великой певицы, но его можно было бы назвать «В поисках любви». Любовь пришла, но поздно – жить уже оставалось совсем мало. И актриса уходит от нас в глубину сцены – туда, где фотоколлаж образует своеобразный «алтарь памяти» Эдит Пиаф, и звучит ее настоящий голос. Единственный и неповторимый...

«Кармен» – так зовут героиню спектакля Национального театра Македонии (Скопье). Пьеса Мигеля Делибеса «Пять часов с Марио» представляет собой беседу женщины с покойным мужем, у гроба которого она бодрствует. Что ж, теперь, наконец, она может высказать ему все, что думает. Великолепная актриса Бильяна

Пройковска буквально царит на сцене; она, как и ее героиня, свободна во всем: в движениях, мыслях, желаниях и поступках. Актёрское мастерство Бильяны подчеркнуто блестящей режиссурой Деяна Пройковски. Естественно и бесстрашно раскрывает актриса внутренний мир женщины: обыкновенной и уникальной. Да, Кармен была достойна лучшей участи. Любила ли она мужа? Ведь кажется, не больно-то скорбит она по усопшему. И все же... И все же...

Особое место в фестивальной программе занимают спектакли кишиневского Театра с улицы Роз. Молодой режиссер Юлия Евстифеева поставила «Резню» по пьесе Ясины Реза. Супруги Рей (Дмитрий Дубина и Ольга Софрикова), чей 11-летний сын ударил одноклассника, пришли к супругам Валлон (Ирина и Вячеслав Азаровские), родителям пострадавшего. Цель визита благая – извинение и мир. Но цель недостижима: слишком они разные, эти две пары. Разное социальное и имущественное положение, разные взгляды. Да и внутри семей... Прав был Толстой: «Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». И шутка, что «хорошую вещь браком не назовут», кажется, тоже имеет под собой основание. Великолепный квартет актеров словно исполняет мненуэт: схождение – расхождение, реверанс – поклон, но от этого церемонного танца, оказывается, и до драки недалеко... Невидимые маски то снимаются, то надеваются. Нет,

мира здесь не будет. Остается надеяться, что дети окажутся умнее родителей и помирятся сами.

И спектакль этого же театра «Стулья» по пьесе Э. Ионеско (постановка А. Георгиевой) – глубокий и тонкий, который трудно забыть. Старых супругов играют Дмитрий Дубина и Ирина Азаровская. На сцене – трюм корабля, заполненный мешками. Из этих мешков жена будет доставать белые тапочки для воображаемых гостей (вместо стульев); из них будет красть и уносить ценные вещи

«Стулья»

молчаливая женщина в одежде горничной. Понадобится ли ей все это? Разве что в бункере... Катастрофа грядет, ее предчувствие заполняет все. Бесцельно прожитая жизнь, одиночество, трагизм бытия. Да, но... Спадают стариковские оболочки, под ними – бессмертные души, они молоды и прекрасны. И вот уже танцуют наши герои, нарядные и влюбленные, на своем последнем балу. И хлынет то ли вода, то ли световой поток в трюм, и разделит молодых красавцев. Каждый умирает в одиночку. Прощально подняв руку, исчезают герои в смертельном, грохочущем водовороте...

А потом... Как там у Высоцкого? «Из пены уходящего потока на берег тихо выбралась Любовь».

Фестивали для того и существуют – для вселенской Любви. На нее вся надежда. ■

Н. ГОГОЛЬ. «ШИНЕЛЬ»

